

ВЛАДИСЛАВ МАХЬЯНОВ

АРЕНДА ВЕЧНОСТИ

НУЛЕВОЙ СВИДЕТЕЛЬ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Владислав Махьянов

**Аренда вечности.
Нулевой свидетель**

«Автор»

2026

Махьянов В.

Аренда вечности. Нулевой свидетель / В. Махьянов — «Автор», 2026

Мужчина появляется в тоннеле метро за три года до собственного рождения. Поезд проходит сквозь него, камеры видят пустоту, а больничный браслет называет его Мироном. Он пришёл от имени тех, кому реальность никогда не дала даже прошлого. Серая книга без первой страницы открывает путь в район, которого не строили, и ставит перед Виктором и Анной вопрос: имеет ли право на существование тот, кого никто не успел выбрать? Пока Дары теряют владельцев, нерождённые требуют места, а последнее кресло предлагает вернуть отвергнутые жизни ценой настоящего. Финал трилогии превращает борьбу за реальность в спор о самом трудном: можно ли дать возможность тем, кто не был возможен, не уничтожив тех, кто уже живёт?

© Махьянов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Человек, родившийся завтра	5
ЧАСТЬ I. ДО НАЧАЛА	8
Глава 1. Книга без первой страницы	8
Глава 2. Район, которого не строили	16
Глава 3. Право быть	23
Глава 4. День, которого не было	29
Глава 5. Заседание о завтрашнем дне	36
Глава 6. До первой	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Аренда вечности. Нулевой свидетель

ПРОЛОГ. Человек, родившийся завтра

В тот день человек появился в метро между двумя станциями.

Не вошёл в вагон. Не спустился по лестнице. Не перелез через ограждение и не вышел из служебной двери, которую потом можно было бы найти на схеме. Камеры не зафиксировали его появления, хотя зафиксировали всё остальное: женщину в зелёном пальто, поправившую шарф; мальчика, наступившего на жёлтую линию; машиниста, который за секунду до торможения потёр левый глаз; каплю воды, сорвавшуюся с кабеля и упавшую на рельс.

В 08:13:59 тоннель был пуст.

В 08:14:00 на путях стоял мужчина лет тридцати пяти.

Поезд шёл со скоростью шестьдесят два километра в час. Машинист увидел фигуру слишком поздно. Он ударил по тормозам, хотя понимал, что состав не успеет остановиться, и успел подумать не о человеке, а о том, как будет звонить жене. Эта мысль потом преследовала его сильнее самого события: в момент чужой смерти он испугался собственного разговора.

Поезд прошёл сквозь мужчину.

Не сбил. Не отбросил. Не разрезал воздух в пустом месте. На одну секунду вагоны стали прозрачными, и пассажиры увидели бетонную стену за собственными спинами. Некоторые увидели себя снаружи: сидящих, стоящих, спящих, читающих сообщения. Один мужчина увидел свободное место там, где сидел его ребёнок, и закричал. Женщина у двери вспомнила поездку, которой никогда не было: те же сиденья, те же лица, только за окнами шёл снег вверх, собираясь в облака с земли.

Потом состав продолжил движение.

Никто не пострадал. Тормоза сработали через сто восемьдесят метров. Машинист выбежал в тоннель с фонарём и увидел мужчину, который всё ещё стоял между рельсами.

— Вы живы? — крикнул он.

Мужчина поднял голову.

Он выглядел не испуганным. Скорее удивлённым тем, что вопрос относится к нему.

— Пока да, — ответил он.

Голос не отразился от стен. Слова прозвучали сразу в наушнике машиниста, в кабине остановившегося поезда и на платформе следующей станции. Дежурная услышала их из выключенного громкоговорителя.

Мужчина пошёл к платформе. Он не искал служебную лестницу. Сделал шаг к стене тоннеля и оказался выше — сначала по колено в бетоне, потом по пояс, потом целиком на краю платформы. Камеры показывали только рябь, похожую на помехи от старой плёнки.

Одежда на нём была сухой, хотя в тоннеле с потолка текла вода. Дешёвая тёмная куртка, серый свитер, брюки без ремня, ботинки с чистой подошвой. На подбородке — ссадина, будто он упал до того, как научился ходить. На правом запястье висел больничный браслет.

Дежурная первой подошла достаточно близко, чтобы прочитать.

ИМЯ: МИРОН.

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 23 ИЮЛЯ 2031.

ДАТА ПОСТУПЛЕНИЯ: 22 ИЮЛЯ 2028.

Она перечитала даты, посмотрела на электронные часы и решила, что браслет напечатан для розыгрыша. Потом попыталась вызвать полицию.

Телефон показал номер, набрал его и сообщил:

«Такого вызова ещё не существует».

Дежурная отключилась и набрала снова. На этот раз ответил детский голос:

— Подождите, пока мы родимся.

Связь оборвалась.

Мужчина сел на металлическую скамью. Тело не продавило сиденье. Его куртка не шуршала. Однако рядом с ним стало холоднее, и на металле проступил след, будто там долго лежал лёд.

— Мне нужен Виктор, — сказал он.

— Какой Виктор?

Он задумался не потому, что не знал фамилии. Так выглядел человек, которому впервые предложили выбрать один ответ из нескольких одинаково правдивых.

— Тот, который не открыл ящик один.

Дежурная не поняла.

Мужчина посмотрел на рекламный экран. На нём показывали семейную ипотеку: светлая кухня, улыбающиеся родители, ребёнок с деревянным самолётом. Реклама обещала будущее под ставку, которую мелкий шрифт отменял почти полностью.

Мирон улыбнулся фотографии ребёнка.

— У вас дети рождаются после того, как получают прошлое, — сказал он.

— У нас дети рождаются обычно.

— Для вас — да.

Первые полицейские приехали через девять минут. К этому времени вокруг скамьи собралась толпа. Люди снимали мужчину на телефоны, задавали вопросы, смеялись, ругались на перекрытую платформу. На записях скамья оставалась пустой. Звук сохранялся.

— Мы не хотим занять ваш мир, — говорил голос из пустого кадра. — Мы хотим, чтобы отсутствие перестали считать отказом.

— Кто «мы»? — спросил молодой полицейский.

— Те, кому вы оставляете место только в сожалениях.

— Документы есть?

Мирон показал браслет.

— Это не документ.

— Тогда пока вы никто.

Мирон посмотрел на него внимательно, без обиды.

— Именно.

Полицейский протянул руку, собираясь взять мужчину за плечо. Пальцы прошли сквозь куртку, тело и спинку скамьи. Он коснулся холодной стены, которой не было за сиденьем.

Рука исчезла до запястья.

Полицейский отдёргнул её и упал. На ладони осталась бетонная пыль и детская надпись синей ручкой:

«Я БЫ МОГ БЫТЬ».

В этот момент во всём городе остановились часы.

Не навсегда.

На три удара сердца.

Первый почувствовали живые. Люди замерли посреди шагов, разговоров, поворотов головы. Врачи увидели на мониторах одну прямую линию, хотя сердца пациентов продолжали работать. Водители сняли ноги с педалей и не успели понять почему.

Второй принадлежал тем, кого помнили. Фотографии изменились, старые сообщения получили отметку «прочитано», на кладбищах несколько телефонов одновременно приняли входящие вызовы с номеров умерших.

Третий не принадлежал никому.

Его нельзя было измерить. Большинство людей его не заметили. Но дети, ещё не научившиеся считать время только вперёд, повернули головы к пустым местам в комнатах.

Когда время пошло дальше, Мирон остался на скамье.
Только больничный браслет изменился.

Вместо даты рождения на нём появилось:

СТАТУС: ОЖИДАЕТ ПРИЧИНЫ.

В ту же секунду в архиве, где я работал, серая книга открылась сама.

Она хранилась в металлическом шкафу сектора расхождений. Дверца была заперта. Пломба не повреждена. Камера показывала пустой стол и закрытый шкаф, пока на записи не возникло ещё одно изображение — тот же кабинет через три года. В будущем шкаф стоял открытым, а книга лежала посередине стола.

Настоящее подчинилось кадру.

Замок щёлкнул.

Книга оказалась передо мной.

На первой странице возникло имя:

МИРОН.

Буквы проступили не чернилами. Бумаги в их форме не было, словно имя вырезали насквозь, но под страницей оставалась темнота, не совпадавшая с толщиной книги.

Ниже появился вопрос:

СКОЛЬКО МЕСТА ВЫ ГОТОВЫ ОТДАТЬ ТОМУ, КТО ЕЩЁ НЕ БЫЛ?

Я прочёл его дважды.

Потом позвонил Анне.

Она ответила сразу.

— Книга? — спросила она.

— Да.

— Я еду.

— В метро появился человек.

— Уже видела.

— Его зовут Мирон.

На другом конце стало тихо.

— Это имя из книги?

— Теперь да.

Из закрытого шкафа донёсся удар.

Один.

Пауза.

Второй.

Я посмотрел на дверь кабинета. Анна услышала звук через телефон.

— Не открывай один, — сказала она.

Третий удар не прозвучал.

На этот раз мы не стали его ждать.

ЧАСТЬ I. ДО НАЧАЛА

Глава 1. Книга без первой страницы

Год назад мы открыли её вместе. Тогда страницы были пустыми, а голоса с кассеты принадлежали людям, которым реальность не дала даже прошлого. Мы назвали их нерождёнными возможностями, внесли книгу в сектор расхождений и договорились не делать вид, будто новое название объясняет происходящее.

Договорённости редко переживают первый настоящий случай.

Имя Мирона занимало всю страницу. Буквы не отражали свет. Если провести пальцем по краю, под ними чувствовалась глубина — не вырез в бумаге, а расстояние до места, где человек ещё не начал существовать.

Я не касался имени.

После станции мы стали осторожнее с жестами, которые можно принять за согласие. Прикосновение — тоже формулировка. Иногда реальность читает тело внимательнее слов.

Анна приехала через двадцать минут. Не сняла куртку, только положила на стол ключи и встала рядом со мной. За год мы научились не спрашивать друг друга, боимся ли. Ответ всегда был одинаковым и ничего не менял.

— Ты открывал другие страницы? — спросила она.

— Нет.

— Правильно.

— Ты правда так думаешь?

— Нет. Но хочу, чтобы в этот раз осторожность оказалась не трусостью.

Она наклонилась над книгой. Имя не отразилось в её очках.

— Он назвал себя сам?

— На браслете уже было написано.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Анна перевернула лист за угол. Следующая страница оставалась пустой. Последняя по-прежнему была картой: наш город в центре, вокруг — миллионы тёмных точек. Год назад три из них зажглись и не приблизились. Теперь одна соединялась с городом тонкой серой линией.

Линия дрожала, как пульс на мониторе.

Первой после Анны пришла Валерия. Она принесла монету в прозрачной коробке, хотя давно могла держать металл голой рукой. Осторожность у неё приняла форму ритуала: защёлка, пломба, две подписи на бумажной полоске. Монета стояла на ребре внутри коробки и поворачивалась вслед за картой.

— Он уже здесь, — сказала Валерия.

— Не полностью, — ответила Анна.

— Что значит «не полностью» применительно к человеку?

— То же, что всегда. Мы просто обычно не замечаем, сколько условий требуется, чтобы человек считался существующим.

— Тело, документы, память других, — перечислил я.

— Причина, — добавила Анна. — Мир должен уметь объяснить самому себе, почему ты оказался именно здесь.

Валерия посмотрела на имя.

— А если объяснения нет?

— Обычно человек становится тайной. Иногда ошибкой. Сегодня, похоже, требованием.

Лев вошёл с переносным проигрывателем под мышкой. Старый аппарат давно не нуждался в проводе: он включался рядом с расхождениями, даже когда батареи лежали отдельно. Лев носил его не как прибор, а как урну, из которой брат иногда продолжал спорить.

— На всех кассетах появилась новая дорожка, — сказал он вместо приветствия. — Даже на чистых.

— Голос Мирона? — спросил я.

— Нет. Антона.

Он поставил проигрыватель на стол. Плёнка внутри не двигалась, но динамик выдал короткий шум. Потом голос Антона произнёс:

— Не начинайте с происхождения.

Запись оборвалась.

Лев смотрел на аппарат так, словно ждал продолжения и одновременно боялся услышать его.

Крылова приехала последней из тех, кто мог добраться лично. На её запястье не было красной нити. После станции она носила её только в дни, когда сама выбирала помнить Машу через боль, а не когда память требовала доказательств.

Она сняла пиджак, достала диктофон и сфотографировала страницу с линейкой масштаба.

— Биологическая дата рождения — две тысячи тридцать первый год, — сказала Крылова, рассматривая снимок браслета на моём телефоне. — Но браслет отсчитывает до завтра. Это может быть подделкой.

— Камеры тоже? — спросил Лев.

— Камеры особенно. Цифровое изображение легче убедить, чем человека.

— Люди его не видят на видео.

— Значит, видео не убеждено.

Анна усмехнулась.

— Вы опять пытаетесь обследовать метафору.

— Я пытаюсь не позволить метафоре зарегистрироваться по месту жительства без осмотра.

Денис, Софья и Тимур подключились по видеосвязи. Изображение Дениса дрожало: он стоял на объекте возле аварийного дома и каждые несколько секунд отводил взгляд от трещины в несущей стене. Софья сидела в центре Крыловой; камера несколько раз теряла её лицо и наводилась на пустой стул. Тимур включился из коридора, где за каждой дверью появлялось другое освещение.

Матвей спал у матери. Мы решили не будить его, пока мир не потребует от ребёнка очередного доказательства собственной полезности.

Решение продержалось меньше часа.

— Покажи карту ближе, — попросил Денис.

Я поднёс камеру к последней странице.

— Видишь что-то? — спросила Крылова.

— Линии начинаются не от точки.

— Откуда?

— Из-за края страницы. Как трещина, которая пришла в стену из фундамента другого здания.

Тимур наклонился к экрану.

— Значит, у двери есть продолжение, но нет комнаты.

— Или комната ещё не выбрала, с какой стороны двери быть, — сказала Софья.

Крылова записала обе фразы. Раньше она бы потребовала выбрать рабочую гипотезу. Теперь оставляла рядом варианты, хотя каждый незакрытый пункт раздражал её сильнее бессонницы.

— Сначала осмотр человека, — сказала она. — Потом книга.

— Он не пациент, — ответила Анна.

— У него дата рождения из будущего, тело проходит сквозь материю и отсутствует на видеозаписи.

— Вы описали половину людей, которых мы встречали за последние два года.

— Именно поэтому я не хочу пропускать базовые процедуры.

Мы поехали в метро.

Платформу закрыли, но у входа уже стояли журналисты, блогеры и люди с плакатами «ПРАВО БЫТЬ». Кто-то успел распечатать лицо Мирона, которого не было ни на одной записи: обычный мужской портрет, собранный нейросетью из описаний очевидцев. На одном плакате он был темноволосым, на другом рыжим, на третьем почти ребёнком. Отсутствие быстро получало удобные черты.

Рядом раздавали листовки движения Аркадия Мельникова.

«Право на чудо» за год выросло из группы сторонников одного целителя в сеть носителей и тех, кто считал любую попытку регулировать Дары новой формой власти. У движения появились юристы, врачи, собственные свидетели, несколько погибших и лозунги, достаточно широкие, чтобы каждый услышал в них себя.

Мельников ждал внутри оцепления.

Он выглядел усталым. Раньше публичность делала его выше, расправляла плечи, добавляла голосу уверенности. Теперь он чаще смотрел на людей, которых не успел спасти, чем на камеры. Но толпа всё равно расступалась перед ним.

— Он позвал вас, — сказал Мельников. — Значит, вы не можете держать его здесь как вещь.

— Его держит не полиция, — ответила Крылова. — Он не может выйти с платформы. Каждый раз возвращается к скамье.

— Вы пробовали убрать скамью?

— Трижды.

— И?

— Она возвращается первой.

Мирон сидел там же.

При ярком свете он выглядел обычнее, чем на записи очевидцев. Неровно подстриженные волосы, ссадина на подбородке, дешёвая куртка без этикетки. Человек, которого можно встретить в очереди и забыть, если он не родился у вас на глазах.

Рядом стоял пластиковый стакан с водой. Уровень не менялся. Мирон пытался пить, но вода проходила сквозь губы и оказывалась снова в стакане.

Он увидел Анну и встал.

— Ты была ближе всех, — сказал он.

Анна остановилась на расстоянии вытянутой руки.

— К чему?

— К тому, чтобы дать нам прошлое.

Я почувствовал, как она отстранилась не телом, а вниманием. Раньше так реагировала на зеркала, в которых могло оказаться чужое решение. На секунду её рука коснулась кармана. Там лежал сложенный рисунок синего кита — копия образа, которую Анна сделала после станции, опасаясь, что ткань однажды исчезнет. Оригинальная нашивка по-прежнему была пришита к внутренней стороне её сумки. Ни один из предметов не доказывал, что девочка принадлежала Анне; вместе они подтверждали только то, что такая любовь однажды существовала.

- Мы знакомы? — спросила она.
- Нет. Поэтому я могу говорить с тобой честно.
- Знакомство мешает честности?
- Оно создаёт долг объяснять слова прошлым.
- Мирон посмотрел на меня.
- Ты оставил архив открытым.
- Я оставил место для свидетельств.
- Для тех, кто уже жил.
- Для тех, кто помнил, что жил.
- Это одно из ваших удобных различий.
- А для вас различия неудобны?
- У нас они пока единственное имущество.

Крылова включила диктофон.

- Назовите полное имя.
- У меня нет полного.
- Мирон — имя или обозначение?
- Сегодня имя.
- Фамилия?
- Потребуется родителей.
- Родители?
- Ещё не выбрали друг друга.
- Где вы родились?
- Здесь. Завтра. Если вы разрешите прошлому догнать меня.

Мельников усмехнулся.

- Вам всё ещё кажется, что его нужно обследовать?
- Особенно теперь, — сказала Крылова.

Она попросила Мирона вытянуть руки. Пульс не прощупывался. Кожа имела температуру воздуха. Зрачки реагировали на свет с задержкой, будто сначала изменение происходило в будущем, а потом доходило до тела. На рентгене аппарат показал пустую платформу и скелет ребёнка на соседней станции.

- Мне тридцать пять, — сказал Мирон, наблюдая, как врач меняет настройки.
- По какой системе отсчёта? — спросила Крылова.
- По количеству лет, которые я помню впереди себя.
- Что вы помните?
- Работу в месте, которое ещё не построено. Женщину, с которой не познакомился.

Болезнь, которую у вас научатся лечить за два года до моего диагноза. Я помню смерть города, который сегодня появится живым.

- Это прогнозы?
- Нет. Прогноз допускает, что не случится. Мои воспоминания допускают, что не было.
- Он протянул мне ладонь. На коже проступали линии, похожие на карту из серой книги.

Они двигались медленно, соединяясь и расходясь. В одной точке пульсировал наш город.

Я не коснулся.

- Что произойдёт завтра? — спросил я.
- Или я получу причину быть здесь, или ваш город потеряет причину быть собой.
- Угроза?
- Стоимость.

Он произнёс это без нажима. Так кассир сообщает цену товара, которую не устанавливал сам.

Анна подошла ближе.

— Кто такие «мы»?

Мирон посмотрел в пустой тоннель.

— Возможности, которые слишком долго слышали, как вы оплакиваете отвергнутые жизни. Вы создали архивы, религии, романы, фотографии детей, которых не родили. Каждый раз, говоря «могло быть иначе», вы оставляли форму. Мы научились отличать память от желания. Потом научились помнить желания, которых никто не успел захотеть.

— Память создала вас? — спросил Лев.

— Она научила нас форме. Но не создала.

— Тогда кто?

Впервые Мирон испугался.

Не отступил и не изменился в лице. Стена за его спиной стала прозрачной.

На мгновение мы увидели город, которого не было: башни с садами на крышах, тихие улицы без проводов, детей без следов болезней. По прозрачным переходам двигались люди, но у каждого за спиной шла ещё одна фигура — не тень, а возможность другого человека. Небо было чистым, без самолётных полос. На горизонте стояло здание, похожее одновременно на роддом и архив.

Потом изображение исчезло.

— Не спрашивайте о первом, — сказал Мирон. — Первый вопрос всегда строит кресло.

Лев включил проигрыватель.

Из динамика прозвучал голос Антона:

— Не верьте ему.

Мирон побледнел. Теперь это было заметно: кровь ещё не существовала в его теле, но страх уже искал цвет.

— Этот человек никогда меня не слышал.

— Он умер, — сказал Лев.

— Тогда почему говорит после моего появления?

Проигрыватель щёлкнул.

Голос Антона продолжил:

— И не верьте мне.

Мы молчали.

Лев опустил глаза.

— Вот теперь похоже на него.

Крылова попросила всех отойти от Мирона на два шага. Не из-за опасности — она хотела проверить, изменится ли его плотность без человеческого внимания.

Мы отвернулись.

Через десять секунд дежурная вскрикнула. На скамье никого не было, но на металле оставался холодный след. Когда Анна снова посмотрела, Мирон появился в том же положении.

— Ты исчез? — спросила она.

— Для себя — нет.

— Где был?

— Здесь, без вашего подтверждения.

— Это отличается от небытия?

— Пока на меня снова смотрят — да.

Крылова записала время опыта.

— Значит, ваше существование зависит от наблюдения.

— Нет. От различия между тем, что меня видят, и тем, что могут не увидеть. Наблюдение только делает границу плотнее.

— Звучит как зависимость.

— Человек тоже зависит от чужой памяти. Просто тело позволяет пережить несколько забываний.

Софья слушала по телефону. Камера снова потеряла её лицо.

— Не всегда позволяет, — сказала она.

Мирон повернулся к экрану.

— Ты ближе к нам, чем остальные.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что люди годами объясняли моё исчезновение особой природой. Так проще, чем признать: им было удобно не замечать.

— Я не хотел отнять ответственность.

— Тогда не делай из сходства родство без согласия.

Мирон кивнул.

— Хорошо.

— И не называй это хорошим. Просто запомни.

— Постараюсь.

— Уже лучше.

Материал его куртки на секунду стал плотнее. Возможно, личная граница давала ему больше настоящего, чем внимание толпы.

Анна показала на прозрачный город, который недавно возник за стеной.

— Ты сказал, что можешь показать, что получит наш мир. Это тот район?

— Нет. Район — первый аргумент.

— Аргумент кого?

— Тех, кто считает, что вы не услышите просьбу без доказательства пользы.

— А ты считаешь иначе?

— Я не знаю. Я помню версии, в которых люди открывали место из сострадания. И версии, в которых уничтожали всё, что не могло объяснить выгоду.

— Какой город ты показал?

— Один из тех, где нерождённые получили прошлое.

— Дети без болезней, тихие улицы, сады на крышах. Удобная реклама.

— Там были войны.

— Ты их не показал.

— Вы спросили, что получите.

— Валерия спросила, что потеряем.

Мирон посмотрел на неё.

— Способность считать будущее своим.

— Оно и сейчас не наше.

— Вы действуете так, будто принадлежит. Планируете детей, карьеры, примирения. Обещаете прийти завтра. Строите ответственность на том, что следующий день достаточно свободен для вашего решения.

— И вы хотите занять эту свободу?

— Хотим, чтобы она не считалась пустой только потому, что вы ещё не сделали выбор.

Я спросил:

— В городе, который ты показал, люди знали цену?

— Сначала нет.

— А потом?

— Потом построили архивы будущего. Каждый человек видел возможности, исчезающие из-за его действий.

— И что произошло?

— Некоторые перестали выбирать.

— Совсем?

— Они ждали решения, которое никого не лишит места. Города остановились. Дети рождались с памятью всех жизней, которые могли заменить их, и не могли произнести собственное имя.

Анна сложила руки.

— Значит, твой красивый мир тоже построил кресло.

— Да.

— Почему не сказал сразу?

— Потому что я пришёл не доказать нашу правоту. Я пришёл заставить ваш мир признать вопрос.

— Для этого ты уже поставил цену.

— Не я один.

— Но ты согласился быть лицом.

Мирон посмотрел на пустые экраны телефонов, которые не могли удержать его изображение.

— Лицо — слишком сильное слово. Пока я только место, где голос становится слышен.

— Место тоже может требовать подчинения, — сказала Крылова.

— Тогда свидетельствуйте и это.

Она записала:

«Мирон признаёт возможность, что его появление является формой давления».

— Подпишешь? — спросила она.

Он попытался взять ручку. Пальцы прошли сквозь пластик. Крылова положила лист на скамью.

Мирон провёл ногтем по бумаге. Осталась едва заметная вмятина без чернил.

— Пока так, — сказал он.

Крылова обвела след и подписала рядом время.

Впервые его согласие имело физическую форму, пусть ещё не имело цвета.

Мирон сел. Вода в стакане дрогнула.

— До завтра осталось меньше суток, — сказал он. — Я могу показать, что получит ваш мир.

— А что потеряет? — спросила Валерия.

Он смотрел на неё дольше, чем на остальных. Наверное, потому что Удача была ближе всего к языку будущего: она всегда показывала не событие, а предпочтённую ветвь.

— Не прошлое, — ответил Мирон. — На этот раз — будущее.

До отъезда Крылова настояла на ещё одной проверке: может ли Мирон покинуть платформу не как задержанный, а как приглашённый.

Тимур подключился по видеосвязи и попросил поставить телефон напротив служебной двери. Он долго смотрел на ручку.

— Дверь ведёт в коридор, — сказал дежурный.

— Она ведёт туда, куда привыкла. Это не одно и то же.

Тимур коснулся ручки у себя на экране. На платформе металл повернулся сам. За дверью появился архивный кабинет — наш стол, серая книга, чашка Анны. Расстояние между станцией и архивом исчезло, но Мирон не двинулся.

— Проход свободен, — сказал Тимур.

— Для существующих, — ответил Мирон.

Он сделал шаг. Нога вошла в проём, тело стало прозрачным и снова оказалось возле скамьи. Дверь захлопнулась.

— Маршрут не отверг его, — сказал Тимур. — Он не смог сохранить конец пути.

Денис попросил направить камеру на пол. На плитке под Мироном не было трещин, однако изображение показывало множество будущих сколов, расходящихся от его следов.

— Он не ломает материал сейчас, — сказал Денис. — Он создаёт места, где пол помнит нагрузку заранее.

— Опасно? — спросила Крылова.

— Всё опасно, когда след появляется раньше шага. Но я не вижу точки разрушения.

Софья попыталась скрыть скамью от внимания платформы. Свет вокруг неё потускнел. Полицейские перестали смотреть в ту сторону. Один журналист прошёл мимо Мирона и сел прямо на его место.

Его тело пересекло фигуру.

Журналист вскочил с криком. За секунду внутри чужого отсутствия он успел прожить детство, в котором родители не встретились. Он помнил квартиру, где никогда не жил, и пустое место за семейным столом, принадлежавшее ему.

Софья вернула скамью.

— Я спрятала место, — сказала она. — Но он сам состоит из места. Получилось слишком глубоко.

Мирон посмотрел на журналиста, которого уводили врачи.

— Так мы чувствовали вас, — сказал он. — Вы проходили через нас каждым сделанным выбором.

— Мы не знали, — ответила Софья.

— Поэтому и пришли говорить, а не мстить.

— Это всё ещё похоже на вторжение.

— Для двери любое открытие похоже на повреждение стены.

Анна покачала головой.

— Не превращай красивую фразу в разрешение.

Мирон принял замечание без спора. Возможно, ещё не умел защищать себя от человеческой точности.

Монета в прозрачной коробке треснула ещё на одну линию.

Звук был тихим.

Но на платформе погасли все рекламные экраны, и на каждом последовательно появились:

23 ИЮЛЯ 2031. — 22 ИЮЛЯ 2028. — СЕГОДНЯ.

Глава 2. Район, которого не строили

Район появился на рассвете.

В 05:42 камера дорожного наблюдения показывала старый грузовой двор: ржавые пути, два пустых склада, вышку с выбитыми окнами и заросшую насыпь. В 05:43 изображение мигнуло. На месте двора стояли девять жилых домов, школа, поликлиника и небольшой парк.

Не выросли из земли. Не проявились в тумане. Просто оказались там так давно, что утро не заметило подмены.

Спутниковые карты показывали квартал уже десять лет. Городской архив хранил разрешения на строительство, протоколы общественных слушаний, отчёты о приёмке домов и жалобы жильцов на шум от кольцевой дороги. В бухгалтерии муниципалитета нашлись платежи подрядчику, который закрылся за три года до начала работ. На сайте школы висели фотографии первого выпуска.

Ни один документ не существовал накануне.

Я проверил журнал доступа. В 05:43 в хранилище одновременно появилось двести восемнадцать коробок. Полки под ними прогнулись, будто бумага всегда имела вес. Сотрудник ночной смены помнил, как принимал документы по описи семь лет назад, и одновременно помнил пустое место, где они возникли.

К семи утра в домах горел свет.

Жильцы варили кофе, вели детей в школу и ругались из-за отключённой горячей воды. Они знали соседей, помнили ремонты, свадьбы, долги по квартплате и собаку из пятого подъезда, которая кусала только людей в форме. У каждого были фотографии, трудовые книжки, банковские истории, медицинские карты.

У каждого отсутствовало детство до одного и того же дня.

Двадцать третьего июля две тысячи тридцать первого года.

Дата ещё не наступила.

Мы въехали в квартал через улицу, которой не было на навигаторе. Указатели стояли давно и успели заржаветь. Название улицы менялось, когда я отводил взгляд: «Первая», «Завтрашняя», «Безымянная». В зеркале заднего вида всегда оставался вариант «До начала».

За рулём был Тимур. Он не доверял служебному водителю после того, как дверь фургона дважды открылась в чужой город.

— Красиво, — сказал он, глядя на одинаковые светлые фасады и молодые деревья с толстыми стволами.

— Поэтому опасно? — спросила Софья.

— Нет. Просто красиво. Не всё обязано становиться уликой.

Он остановил машину у школы и потянул ручку. За дверью на секунду показался не двор, а длинный школьный коридор. По нему шли дети в форме, которую в нашем городе не носили. На стене висел стенд «Выпуск 2041».

Тимур захлопнул дверь.

— Мои двери начали выбирать сами, — сказал он. — Мне это не нравится.

— Они всегда выбирали, — ответила Анна. — Раньше ты был уверен, что первым берёшься за ручку.

— Спасибо. Стало хуже.

Денис сидел впереди, прижав ладони к коленям. Он смотрел на дома так, как хирург смотрит на снимок здорового органа, когда анализы обещают обратное.

— Здесь нет дефектов, — сказал он.

— Хорошая новость, — заметил Лев.

— Нет. У новых домов всегда есть дефекты. У людей тоже. В этом районе всё построено так, будто ошибки отредактировали заранее.

— Может, строители впервые сделали работу нормально.

Денис перевёл взгляд на него.

— Тогда это самое неправдоподобное чудо за два года.

Валерия держала коробку с монетой в кармане. С момента встречи с Мироном металл не падал ни одной стороной. Если она открывала крышку и подбрасывала его, монета зависала на долю секунды, потом возвращалась в ладонь. Удача не могла выбрать исход, потому что оба ещё не стали возможными.

Крылова организовала мобильный штаб в школе. Директор встретил нас с раздражением человека, которому мешают проводить линейку.

— У нас восемьсот сорок два ученика, — сказал он. — Все зарегистрированы. Все проходили медосмотр. У половины контрольная по математике. Вы не можете объявить их несуществующими только потому, что ваши базы обновились позже.

— Мы никого не объявляем, — ответила Крылова.

— Уже объявили. В интернете нас называют поддельными. Автобусы не заходят. Банк заблокировал карты учителей. Полиция поставила ограждение вокруг жилых домов.

— Ограждение нужно, пока мы не поймём, что изменилось за пределами района.

— За пределами изменилось отношение к нам.

Крылова не стала спорить. Записала фразу в протокол полностью.

В спортзале собрались жители. Они требовали признать район, подключить транспорт и прекратить оцепление. Люди сидели на складных стульях, стояли вдоль стен, держали детей на руках. Ничто в них не выглядело призрачным. Пот на лбах, запах мокрой одежды, усталость, раздражение. Существование редко бывает убедительнее, чем очередь к микрофону.

Мельников приехал раньше нас и стоял у сцены.

— Эти люди живы, — сказал он. — Значит, имеют право остаться.

— Право не отменяет цену, — ответила Крылова.

— Вы всегда начинаете с цены, когда чудо достаётся не вам.

— Потому что кто-то должен смотреть туда, откуда её списали.

Женщина в первом ряду подняла руку. Рядом с ней сидел мальчик с гипсом на ноге. На гипсе были подписи одноклассников и дата двухлетней давности.

— Какую цену? — спросила она.

Денис посмотрел на потолок. Металлическая ферма была идеально целой. Его это тревожило всё сильнее.

— Грузовой двор исчез, — сказал он.

— Там были склады.

— И железнодорожная ветка, — добавил Лев.

— Её закрыли пятнадцать лет назад, — возразил директор.

— В нашей истории. В другой по ней перевозили хлор. Через два месяца должен был произойти сход состава. Погибли бы сорок человек.

По залу прошёл шум.

— Значит, район спас людей, — сказал директор.

— Возможно, — ответил я. — Но ветка вела к заводу, где разрабатывали фильтр для воды. Если завода не было, через семь лет в трёх областях...

Я не договорил.

Экран за сценой включился сам. Карта реальности продолжила расчёт вместо меня.

Посёлки, в которых не очистили воду.

Дети, родившиеся с заболеваниями.

Учёные, не встретившиеся в лаборатории.

Лекарство, которое не создали.

Другая авария, случившаяся из-за отсутствия прежней.

Цепочки расходились до края изображения и возвращались к нам. В одной версии мальчик с гипсом не ломал ногу, потому что школа стояла в другом месте. Через двадцать лет он погибал на мосту, который Денис не успевал проверить. В другой версии район не появлялся, но его мать уезжала и спасала троих детей в автобусной аварии.

Женщина закрыла сыну глаза.

— Вы хотите сказать, что он виноват в чужих смертях?

— Нет, — сказал я. — Я хочу сказать, что его существование связано с миром. Как и наше.

— Но вы существуете по праву?

Вопрос был точным.

Мы не смогли ответить.

До спуска в подвал мы осмотрели поликлинику и два жилых дома.

В поликлинике врачи работали по картам, составленным в будущих версиях медицинских стандартов. Некоторые препараты имели названия, которых фармацевты ещё не придумали. На упаковках стояли даты производства через четыре года, но таблетки уже крошились от старости. Крылова распорядилась не выбрасывать их и не использовать без отдельного согласия пациентов: будущее лекарство могло лечить болезнь, которой человек не должен был заболеть в нашей истории.

В одной палате женщина восстанавливалась после операции, которую в городе ещё не умели проводить. Шов был тонким, анализы нормальными. На имя хирурга поиск выдавал студента третьего курса.

Студента привезли после звонка журналистов. Ему показали выписку с собственной подписью. Он узнал почерк, хотя никогда так не расписывался.

— Я собирался бросить медицину, — сказал он. — Вчера подал заявление.

Пациентка схватила его за руку.

— Не бросайте.

— Почему?

— Потому что вы меня спасли.

— Я вас не знаю.

— Узнаете.

— А если не хочу становиться тем человеком?

Женщина отпустила его, будто услышала отказ в операции, которая уже состоялась.

— Тогда что будет со мной?

Студент посмотрел на шов.

— Не знаю.

— Вы не можете просто уйти.

— Могу. Но теперь любой мой выбор будет выглядеть как убийство вас.

Крылова записала их реплики отдельно. Она запретила штабу считать выписку доказательством профессиональной обязанности студента и одновременно признала право пациентки хранить память о хирурге. Оба решения ничего не облегчали.

Анна спросила женщину, что она помнит о дне операции.

— Он боялся, — ответила та. — Перед началом трижды мыл руки. Потом сказал, что хороший врач отличается от бога тем, что имеет право остановиться.

Студент побледнел.

— Это фраза моего преподавателя. Он сказал её вчера, когда я подал заявление.

Будущее украло не только его профессию. Оно взяло фразу, которая могла помочь отказаться, и превратило в причину продолжить.

Мы оставили их говорить без свидетелей. Не потому, что разговор не требовал записи. Потому что иногда постоянное присутствие архива делает каждое слово слишком окончательным.

В доме номер восемь Денис остановился перед детской кроватью. Над ней висела полка с тяжёлыми книгами. Крепления были идеальными.

— Она не упадёт, — сказала хозяйка. — Муж проверял.

— Я тоже не вижу слабости.

— Тогда зачем вы так смотрите?

— Потому что вещи без слабости не предупреждают перед разрушением.

Он попросил снять одну книгу. Под обложкой оказалась пустота: страницы имели номера и вес, но текста не существовало. На корешке стояло название романа, который хозяйка должна была написать через шесть лет.

— Я бухгалтер, — сказала она.

— Возможно, будете писателем.

— Я не хочу.

Книга стала легче.

На первой странице возникло посвящение ребёнку, спавшему под полкой. Мальчик прочитал своё имя и спросил, почему мама посвятила ему книгу, если никогда не рассказывала сказок.

— Я не писала, — сказала женщина.

— Но напишешь?

Она посмотрела на сына. Будущее уже поставило любовь в форму долга.

— Не знаю.

Страницы зашелестели. На них начали появляться главы, будто район торопился доказать, что ответ давно существует.

Софья накрыла книгу ладонью и спрятала текст. Не уничтожила, только сделала невидимым.

— Теперь можешь решить без читателя из будущего, — сказала она.

Женщина закрыла книгу.

Денис осторожно положил её на пол. В креплении полки появилась первая тонкая трещина.

Он улыбнулся без радости.

— Теперь безопаснее.

— Трещина безопаснее целого металла? — спросила хозяйка.

— Если она настоящая и её можно увидеть — иногда да.

Лев записал название ненаписанного романа. Не для того, чтобы заставить женщину написать, а чтобы сохранить факт: будущая книга один день удерживала полку над кроватью ребёнка.

В соседней квартире Тимур нашёл дверь, ведущую сразу в три кухни. В первой семья ужинала вместе. Во второй родители были разведены. В третьей ребёнок жил с людьми, которых называл тётей и дядей. Все кухни принадлежали одной квартире и имели одинаковый запах супа.

— Какую закрыть? — спросила мать.

— Ни одну, пока вы не решили, куда входить, — ответил Тимур.

— Но ребёнок может заблудиться.

— Тогда поставьте стул у порога и оставайтесь рядом.

— Это ваш профессиональный совет?

— Нет. Профессионально я открываю. Закрывать за другими всё ещё учусь.

Он снял ручку и положил на стол. Проёмы остались, но перестали притворяться единственной дверью.

У выхода Валерия подбросила монету. Та зависла, отражая две версии квартала. В одной дома стояли. В другой на их месте лежали рельсы и цистерны. Между изображениями мелькнула третья картина: пустырь, на котором люди разбили сад, не связанный ни с одной историей.

— Есть другой вариант, — сказала Валерия.

— Можно выбрать? — спросил Тимур.

— Нет. Он появляется только пока мы не пытаемся сделать его решением.

— Значит, шестая грань показывает не выход.

— Она показывает, что готовые стороны не исчерпывают мир.

Когда Валерия закрыла ладонь, сад исчез. Но запах влажной земли остался в коридоре.

После собрания Софья вышла в коридор. Я пошёл следом, потому что камера наблюдения уже начала терять её силуэт. После исчезновения общей Тьмы люди запоминали Софью лучше, но не всегда. Иногда имя выпадало из разговора. Иногда фотография оставляла одежду без лица. Она относилась к этому спокойно только при посторонних.

У кабинета музыки её остановила девочка лет десяти.

— Я вас помню, — сказала она.

Софья замерла.

— Мы встречались?

— Ещё нет.

Девочка протянула рисунок. На нём Софья стояла перед чёрной дверью и держала за руку мальчика с красным самолётом.

— Это Матвей? — спросила Софья.

— Он придёт через три года.

— Куда?

— Сюда. Когда район начнёт забывать себя.

Софья присела, чтобы посмотреть девочке в глаза.

— Как тебя зовут?

Девочка открыла рот.

Имя не прозвучало. Не исчезло — его никогда не было.

Учительница подошла и назвала её Аней. Через минуту мать сказала «Полина». В журнале стояло «Екатерина». На рисунке подпись менялась между тремя вариантами. Девочка не возражала.

— Можно я выберу потом? — спросила она.

Софья взяла рисунок.

— Можно.

— А если не выберу?

— Тогда оставим место пустым.

Девочка улыбнулась, будто впервые услышала, что пустая строка может быть ответом.

В подвале школы мы нашли комнату без входа. Денис остановился перед стеной, на которой не было ни трещин, ни проводов.

— Здесь слабость, — сказал он.

— В чём? — спросила Крылова.

— В отсутствии слабости.

Тимур положил ладонь на бетон. Ручка двери появилась под пальцами. Он открыл.

За дверью находились фундаменты всех девяти домов.

Не бетонные.

Причины.

Свадьбы родителей. Решения банков. Переносы смен. Случайные встречи. Неподписанные бумаги. Всё, что должно было привести к существованию жителей, было собрано здесь в виде светящихся нитей. Они уходили вверх, в квартиры и школы, вниз — в годы, которые ещё не наступили.

Большинство нитей начиналось в будущем.

Мы видели мужчину, который через пять лет должен был опоздать на самолёт и познакомиться с женщиной у стойки регистрации. Их ребёнок уже учился на втором этаже. Видели врача, которая через три года выберет другую специальность; её будущие пациенты жили в доме номер семь. Видели несостоявшуюся ссору, некупленный билет, вовремя закрытое окно.

У центральной стены стоял Мирон.

Теперь его ботинки касались пола. Не полностью: пыль проходила сквозь подошвы, но тень уже имела вес.

— Вы построили прошлое под домами, — сказала Крылова.

— Мы одолжили его.

— У кого?

— У тех, кто ещё не выбрал.

На стене появились лица людей из старой части города. Тысячи. У каждого из головы тянулись линии будущих решений: профессии, дети, поездки, болезни, примирения, книги, которые они могли написать. Часть линий обрывалась и уходила в фундамент квартала.

Валерия нашла своё лицо.

Одна линия вела к Ирине. В другой жизни они называли друг друга матерью и дочерью. На изображении Ирина сидела в кафе у окна и держала Валерию за руку. Линия была перерезана и уходила к девочке без имени.

— Вы забрали это? — спросила Валерия.

— Не событие. Возможность.

— Для чего?

Мирон показал наверх.

— Чтобы девочка получила имя. Чтобы директор помнил выпускной. Чтобы восемьсот сорок два ребёнка имели завтра.

— За счёт нашего завтра.

— Ваше «за счёт» предполагает, что будущее принадлежит вам до выбора.

— А ваше существование, значит, принадлежит вам до рождения?

Мирон не ответил.

Потому что это был тот же вопрос.

Анна подошла к нитям, но не касалась. Среди них на секунду появилась девочка с рисунком синего кита. Не та, что встретила Софью. Другая — та, которую Анна помнила дочерью. Нить шла к пустому месту рядом с Мироном.

Анна отвернулась первой.

— Вы выбирали, какие возможности отнимать? — спросила она.

— Нет.

— Тогда кто?

— Причинность искала ближайшие свободные линии.

— Будущее не свободно только потому, что ещё не произошло.

— Прошлое тоже не принадлежит вам только потому, что произошло.

— Поэтому мы и храним несколько версий, а не строим из чужих детей фундамент.

Мирон посмотрел на стены.

— Вы храните отвергнутое после того, как получили свой мир. Мы пришли до распределения.

— Нет, — сказал я. — Вы пришли в уже распределённый мир и объявили будущее ничейным.

Он впервые не нашёл немедленного ответа.

На обратном пути район оставался на месте. Люди включали свет, готовили ужин, спорили с полицией. В окнах были растения, грязная посуда, фотографии, трещины в отношениях, которые Денис не мог увидеть. Ничто в них не выглядело менее настоящим, чем в нас.

Только в городе за рекой женщина впервые за двадцать лет решила позвонить сестре — и не смогла вспомнить, зачем.

Она держала телефон, смотрела на знакомый номер и чувствовала потерю без события. Возможность примирения ушла в чужой фундамент.

Глава 3. Право быть

К полудню страна узнала о районе.

К вечеру у оцепления стояли тысячи людей.

Одни приносили воду, еду и лекарства жителям. Другие требовали снести квартал, пока он не переписал весь город. Третьи продавали футболки с надписью «Я ТОЖЕ МОГ НЕ РОДИТЬСЯ». Социальные сети разделились быстрее, чем реальность: для одних район был чудом, для других вторжением, для большинства — удобным способом доказать, что противники не понимают свободу.

Появились списки «украденных будущих детей». Люди загружали фотографии, созданные программами, давали им имена, писали биографии. Некоторые действительно начинали помнить этих детей. Другие использовали новые воспоминания, чтобы получить компенсацию. Через два часа страховые компании выпустили заявление, что не покрывают ущерб от неосуществлённого родительства.

Викторина в утреннем шоу спрашивала: «Отдали бы вы один несделанный выбор ради жизни незнакомого ребёнка?» Варианты ответа были «да» и «нет». Шестой грани в интерфейсе не предусмотрели.

Аркадий Мельников выступил на площади перед оцеплением.

— Никто из нас не заслужил существование больше, чем эти люди, — сказал он. — Мы родились не по договору и не по решению комиссии. Наши родители не спрашивали разрешения у тех, чьи жизни изменятся из-за нас. Почему от жителей района требуют оплатить право быть?

Толпа ответила аплодисментами.

Крылова смотрела трансляцию в архиве. За её спиной сотрудники складывали в коробки документы, появившиеся вместе с кварталом. Бумага менялась быстрее описей. В свидетельстве о рождении одного ребёнка мать становилась старше на четыре года каждый раз, когда мы переворачивали лист.

— Потому что их рождение выставило счёт конкретным людям, — сказала Крылова.

— Обычное рождение тоже выставляет, — ответила Валерия. — Родители теряют другие жизни. Город строит роддом вместо чего-то ещё. Ребёнок занимает место.

— Ребёнок не крадёт прошлое из будущего.

— Мы пока не знаем, крадёт ли. Может, он показывает то, что любое рождение делает незаметно.

Крылова резко закрыла папку.

— Незаметная цена не становится оправданной. Но она хотя бы возникает из решений участников, а не из системы, которая выбирает за них.

— Родителей ребёнок тоже не выбирает.

— Поэтому мы защищаем детей от родителей.

— И кто защитит нерождённых от нас?

Анна сидела у окна и слушала их спор. На коленях лежал рисунок синего кита. Она не показывала его Миру и не прятала. Просто держала как предмет, которому не обязана давать значение каждую минуту.

— Возможно, никто, — сказала она. — Но отсутствие защитника не выдаёт право первому, кто назвал себя защитой.

Перед поездкой в поликлинику Валерии позвонила Ирина.

Они по-прежнему встречались раз в две недели и не называли друг друга матерью и дочерью. После появления района их общая история стала нестабильной. В телефоне Валерии возникли фотографии семейных праздников, которых не было. На одной Ирина держала её ново-

рождённую. На другой стояла на школьной линейке. Между снимками сохранялись реальные встречи в кафе — короткие, неловкие, выбранные обеими.

— У меня пропала фотография с прошлого четверга, — сказала Ирина. — Та, где ты пролила кофе.

— Я помню.

— Зато появились двадцать лет, в которых я тебя растила.

Валерия закрыла глаза.

— Не смотри долго.

— Почему? Они хорошие.

— Именно поэтому.

— Ты думаешь, район забрал наше настоящее и дал лучшее?

— Возможно.

— А если я хочу оставить?

Валерия долго молчала. Монета в коробке поворачивалась к голосу Ирины.

— Ты можешь хотеть. Только не называй это воспоминанием обо мне, пока я не соглашусь быть той девочкой.

— А ты хочешь?

— Хочу, чтобы ты однажды назвала меня дочерью. Но не хочу получить слово из истории, где тебе не оставили выбора.

— Тогда что мне делать с фотографиями?

— Сохрани отдельно. Подпиши, что не знаешь, чьи они.

Ирина вздохнула.

— Рядом с тобой даже семейный альбом превращается в архив.

— Зато в архиве можно не выбирать одну мать.

— И одну дочь?

— И одну дочь.

После звонка Валерия открыла коробку. На монете появилось отражение Ирины в кафе. Женщина сидела одна и подписывала новые снимки: «Возможная жизнь. Не подтверждена обеими».

— Она сделала это сама, — сказала Валерия.

Анна посмотрела на отражение.

— Значит, ваше настоящее пока честнее подаренного прошлого.

— «Честнее» тоже звучит как соревнование.

— Тогда оно хотя бы выбрано обеими.

Мельников, слышавший конец разговора, сказал:

— Иногда люди отказываются от счастья только потому, что боятся получить его неправильным способом.

— А иногда способ и есть то, что делает счастье твоим, — ответила Валерия.

— Ребёнку всё равно, добровольно ли врач получил способность его лечить.

— Ребёнку — возможно. Врачу нет. И тому, чья жизнь стала оплатой, тоже.

— Пока вы защищаете чистоту выбора, кто-то умирает.

— Пока ты спасаешь всех перед глазами, кто-то исчезает за твоей спиной.

Мельников сжал губы. Этот спор он уже вёл с Крыловой, но от Валерии слова звучали иначе: она не защищала запрет. Она защищала будущее, которое хотела сильнее всего.

Он отошёл к окну. За стеклом сторонники держали плакаты с его именем. Один мужчина поднял ребёнка на плечи. Мельников отвернулся.

— Когда люди смотрят на меня, — сказал он, — я чувствую их болезни. Не диагнозы. Возможность тела стать другим. Иногда достаточно прикосновения. Иногда нужно желание самого человека. Иногда сила действует раньше, чем я успеваю спросить.

— И тебе нравится? — спросила Валерия.

— Сначала нравилось.

— А теперь?

— Теперь каждое исцеление похоже на дверь, за которой кто-то может исчезнуть. Но если я перестану открывать, те, кто стоит передо мной, не станут менее больными.

Крылова слышала разговор из соседнего кабинета. Она вошла с пустой медицинской папкой.

— Поэтому у тебя есть свидетель.

— Чтобы напоминать о тех, кого не вижу?

— Чтобы ты не оставался один и не решил, что любое сомнение запрещает действовать.

Мельников посмотрел на неё с недоверием.

— Ты сейчас защищаешь мои исцеления?

— Нет. Защищаю твоё право не превращаться в машину осторожности только потому, что мы узнали о цене.

— А моё право лечить без твоих протоколов?

— Сохраняется. Как и моё право записать последствия.

— Даже если запись мешает чуду закрепиться?

— Особенно тогда.

На минуту они перестали быть противниками. Не стали союзниками. Шестая грань редко выглядела как примирение. Чаще как возможность стоять рядом, не переписывая расстояние между людьми.

Мирон наблюдал за ними через стекло двери.

— Вы создали отношения, которые не стремятся закончить спор, — сказал он.

— Не романтизируй, — ответила Крылова. — Мы просто слишком упрямые.

— Возможно, упрямство и есть человеческая форма границы.

— А возможно, ты снова превращаешь неудобство в философию.

Мирон кивнул, принимая ещё одну формулировку, которая не давала ему стать учителем слишком быстро.

На экране Мельников спустился со сцены. К нему подвели мальчика из нового района. Ребёнок был бледным, задыхался, мать поддерживала его за плечи. Диагноз появился в медицинской карте вместе с кварталом: тяжёлая врождённая болезнь сердца.

Мельников положил ладонь ему на голову.

Крылова встала.

— Не сейчас.

Он не мог её услышать.

Мальчик вдохнул свободно. Синие губы порозовели. Мать закричала и обняла сына. Толпа начала скандировать имя Мельникова.

В ту же секунду в архиве погасла лампа.

Денис посмотрел на проводку.

— Не лампа.

В секторе медицинских расхождений опустела папка. В ней хранились документы о девочке из другого города, выздоровевшей после экспериментальной терапии. Исследование провели после редкой ошибки в лаборатории; ошибка привела к открытию метода. Теперь лаборатория существовала в истории района как склад, врач работал в другом месте, терапию никто не разрабатывал.

Девочка снова числилась умершей.

Фотография исчезла последней. На секунду в папке осталось лицо семилетнего ребёнка с лысой головой и кривой улыбкой. Потом бумага стала белой.

Мельников не мог видеть этого через камеру.

Но Крылова записала время.

— Свяжитесь с его свидетелем, — сказал Лев.

Никто не ответил.

— Вы и есть его свидетель, — напомнила Анна.

Крылова закрыла глаза.

Она сама согласилась оставаться рядом с последствиями его исцелений. Не контролировать. Не запрещать. Помнить. В их протоколе поле называлось по-разному: для пациента — исцеление, для Мельникова — помощь, для Крыловой — вмешательство с неустановленными последствиями.

— Тогда едем, — сказала она.

В новом районе нас встретили в поликлинике. Коридоры были полны людей, которые внезапно получили медицинские карты и теперь требовали, чтобы врачи объяснили болезни, пережитые до их рождения. Некоторые помнили операции, которых не было. У одного мужчины на теле остался шрам, а хирург, указанный в выписке, ещё учился в школе.

Мельников сидел у койки мальчика и держал его за руку. Рядом плакала мать.

— Он будет жить, — сказал Мельников.

— Другая девочка перестала, — ответила Крылова.

Он поднял голову.

— У вас есть доказательства?

Она положила перед ним пустую папку.

— Были.

— Значит, нет.

— Аркадий.

В её голосе не было власти. Только усталость.

— Я помню документы. Виктор помнит. Анна. Денис. Лев. Свидетельство не вернёт девочку, но не позволит назвать её выдумкой.

Мать мальчика встала между ними.

— Вы хотите, чтобы он снова заболел?

— Нет.

— Тогда уходите.

— Я не пришла отнимать его жизнь.

— Вы пришли положить рядом чужую смерть, чтобы я стыдилась сына.

Крылова не стала защищаться.

— Возможно, так это и выглядит.

Мельников смотрел на ребёнка. Пульс на мониторе был ровным. Для врача это было бы доказательством успеха. Для нас — одной стороной события.

— Если я отменю, вернётся она? — спросил он.

— Мы не знаем.

— Если не отменю, он живёт.

— Да.

— Тогда выбор уже сделан.

— В том и проблема, — сказала Крылова. — Ты называешь невозможность вернуть цену разрешением не смотреть на неё.

Он встал.

— А вы называете чужую смерть причиной не спасать того, кто перед вами.

Они были оба правы.

Именно поэтому спор не заканчивался.

Мальчик открыл глаза.

— Я помню девочку, — сказал он.

Все повернулись к нему.

— Какую?

— Ту, которая умерла вместо меня.

— Ты видел её раньше? — спросила Крылова.

— Нет. Но теперь у меня её сон.

Он рассказал про больничное окно, бумажную птицу и отца, который приносил мандарины, хотя девочке нельзя было цитрусовые. Мы не знали, принадлежали ли детали исчезнувшему ребёнку или район строил новую цену, чтобы сохранить равновесие.

Крылова записала рассказ.

Мельников не мешал.

На улице нас ждал Мирон.

Люди проходили сквозь него, не замечая. Чем ближе подходил срок, который браслет почему-то отсчитывал в часах, тем плотнее он становился. Теперь на мокром асфальте остались следы его обуви. В одном месте след заполнился водой и не исчез.

— Район стабилизируется, — сказал он. — Завтра никто не вспомнит грузовой двор.

— Мы вспомним, — ответил Лев.

— Поэтому вы опасны.

— Для кого?

— Для рождения. Свидетель удерживает цену, а цена мешает причине закрепиться.

— Ты хочешь, чтобы мы забыли?

— Я хочу, чтобы вы перестали использовать память как запрет.

Анна встала между ним и входом в поликлинику.

— Память уже пыталась стать богом. Теперь возможность хочет того же.

— Возможность не управляет. Она просит место.

— Забирая его у тех, кто не знает, что отдаёт.

— Они не знают и о том, что получили, когда родились.

— Незнание не является согласием.

Мирон посмотрел на Мельникова.

— Он понимает нас лучше.

— Потому что любит чудо больше последствий? — спросила Крылова.

— Потому что знает: несуществование нельзя исправить после.

Мельников вышел из поликлиники. Мать мальчика осталась у окна и смотрела на него как на спасителя. Он отвёл глаза.

— Что нужно району? — спросил он.

— Причина, — сказал Мирон. — До полуночи жители должны получить прошлое, которое признают ваши архивы. Иначе квартал начнёт рассыпаться.

— Что значит рассыпаться?

— Люди останутся живы, но перестанут совпадать с собой. Имена будут меняться. Отношения — распадаться. Тела — выбирать разные истории.

— Ты просишь легализовать их? — спросила Крылова.

— Нет. Документы не создают реальность. Но признание свидетелей может удержать одну версию достаточно долго, чтобы она стала прошлым.

Лев покачал головой.

— То есть мы должны выбрать, какая биография настоящая.

— Вы всё равно выбираете каждый раз, когда записываете.

— Мы сохраняем расхождения.

— Расхождение возможно только между тем, что уже есть.

— Поэтому ты хочешь, чтобы мы сначала сделали их существующими, а потом разрешил спорить?

— Я хочу, чтобы спорящие дожили до спора.

Мирон подошёл к Валерии.

— Ты можешь помочь. Ты удерживала две матери.

— И чуть не уничтожила одну ради другой.

— Теперь можешь удержать восемьсот сорок два детства.

— За какую цену?

— Одно твоё будущее.

— Какое?

Он коснулся коробки с монетой.

Трещина стала прозрачной. В ней появилось кафе. Валерия и Ирина сидели у окна. Ирина держала её за руку и впервые называла дочерью без сомнения. На столе стояли две чашки и маленький торт. За окном шёл обычный дождь.

Валерия не дышала.

— Это не обещание, — сказал Мирон. — Только возможность. Отдай её — и дети получат прошлое.

Она закрыла ладонь.

Изображение исчезло.

— Нет.

Мельников резко повернулся.

— Из-за одного слова?

— Из-за права самой дойти до него. Или не дойти.

— А дети?

— Не заставляй меня делать вид, что их жизнь становится моей обязанностью только потому, что ты показал цену.

— Ты можешь спасти восемьсот сорок два человека.

— Не называй их числом, когда убеждаешь меня отдать одного будущего человека. И не называй моё решение убийством заранее.

Мельников хотел ответить, но Крылова подняла руку.

Не запретила. Просто попросила паузу.

Мирон отступил.

На его лице появилось не разочарование.

Уважение.

— Тогда вы уже ближе к ответу, чем прежние Архитекторы, — сказал он.

— К какому ответу? — спросил я.

— Как дать место, не отнимая его назад.

Он посмотрел на часы над входом. Они показывали 13:17, затем 03:17, затем число, похожее на ноль.

До причинного рождения Мирона оставалось одиннадцать часов.

— Но времени у вас меньше, чем у них.

Глава 4. День, которого не было

Вечером мы остались в районе.

Крылова хотела закрыть нас в штабе. Там были камеры, связь, резервное питание и стол, за которым любое невозможное событие быстро приобретало номер протокола. Но свидетельство из-за стекла слишком легко превращается в наблюдение. Наблюдатель фиксирует объект. Свидетель остаётся рядом с человеком, даже когда не понимает, что именно должен сохранить.

Мы пошли по квартирам.

В доме номер четыре жила семья из пяти человек. Отец работал водителем, мать преподавала химию, старшая дочь готовилась поступать в университет, близнецы собирали модель самолёта. Квартира пахла супом, школьной формой и ремонтом, который откладывали третий год. На дверном косяке были отметки роста детей. Самая нижняя находилась на высоте, которой ни один из них не достигал в указанном возрасте.

Всё выглядело прожитым.

На холодильнике висели фотографии. Семья на море. Первый класс. Сломанная рука. Новый год. На каждом снимке лица были одинаковыми, но фон иногда не совпадал: другой город, другое море, другая мебель. На краю нескольких кадров стоял мальчик лет шести.

В комнате его не было.

— Это наш сын, — сказала мать.

— Где он? — спросила Анна.

Женщина открыла рот и замолчала.

Отец снял фотографию с магнита.

— У нас только трое детей.

— Я помню четверых.

— Мы никогда...

Он не договорил.

Воспоминание вошло в него без предупреждения. По лицу было видно последовательность: роддом, имя, маленький гроб, год молчания между супругами. Мужчина сел на табурет, прижал фотографию к груди и начал плакать так, будто ребёнок умер минуту назад.

Мать смотрела на него с ужасом.

— Как его звали?

Отец назвал имя.

На фотографии мальчик исчез.

— Ещё раз, — попросила женщина.

Он повторил. Лицо вернулось, но стало другим.

Близнецы продолжали собирать самолёт. Для них спор родителей был обычным: прошлое успевало объяснить каждую новую реплику раньше, чем дети замечали противоречие. Один из них спросил, будет ли ужин. Второй сказал, что брат умер до их рождения и поэтому не мог любить гороховый суп.

— Если район получит стабильную биографию, какой вариант останется? — спросила мать.

— Не знаем, — ответила Анна.

— А если исчезнет?

— То, что вы прожили после появления, останется свидетельством. Что будет с вами — не знаем.

— Вы всё время говорите «не знаем».

— Потому что другой ответ был бы способом решить за вас.

Отец ударил ладонью по столу.

— Мне не нужен философ. Мне нужно знать, проснутся ли дети утром.
В комнате стало тихо.

Я хотел сказать, что никто не знает этого до конца. Фраза была бы правильной и жестокой.
Люди часто используют универсальную смертность, чтобы не отвечать на конкретный страх.

Я сел напротив.

— Я не могу обещать утро. Могу остаться до него.

Он смотрел на меня с ненавистью.

— И это всё?

— Да.

Иногда свидетельство унизительно мало.

Старшая дочь вынесла из комнаты документы. Её звали Лиза — по паспорту, словам родителей и подписи на школьной фотографии. Только дата выдачи паспорта стояла через три года. В аттестате были оценки за экзамены, которых она ещё не сдавала. В письме из университета сообщалось о зачислении на химический факультет.

— Если я отдам это прошлое, я потеряю поступление? — спросила она.

— Оно не прошлое, — сказала Крылова. — Это будущее, использованное как доказательство.

— Но я уже знаю, что поступила.

— Знание не равно событию.

— Для вас.

Лиза порвала письмо.

Бумага срослась у неё в руках. Линия разрыва исчезла, только буквы на секунду поменились местами.

Она сожгла письмо над раковиной. Пепел поднялся, собрался в новый лист и лёг на стол.

— Район не позволяет отказаться, — сказала Софья.

Лиза посмотрела на неё.

— Вы смогли выйти из кресла.

Софья вздрогнула. Девушка не могла знать эту формулировку из официальных сообщений: в них станция называлась аварией, кресла — элементами диагностического оборудования.

— Потому что другие признали выход, — ответила Софья.

— Признайте мой.

Софья достала блокнот.

— Говори.

— Я не поступала. Я только хочу поступить. Не знаю, получится ли. Не хочу, чтобы решение из будущего стало моей обязанностью.

— Почему это важно?

— Потому что я уже ненавижу химию.

Мать подняла голову.

— Ты всегда любила мой предмет.

— В вашем прошлом. А сейчас я хочу рисовать.

— Ты никогда не говорила.

— Возможно, потому что письмо уже лежало в ящике.

Софья записала слово в слово. Мы подписались свидетелями — не того, что Лиза станет художником, и не того, что откажется от университета. Только её права не считать готовое будущее собственной волей.

Письмо снова появилось на столе.

Теперь на нём было написано:

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРИНЯТО К РАССМОТРЕНИЮ.

Лиза рассмеялась. Смех был нервным, но впервые принадлежал настоящему моменту.

— Даже метафизика знает бюрократию.

— Это хороший знак, — сказала Крылова. — Бюрократия означает, что решение можно обжаловать.

В соседней квартире жил пожилой мужчина по имени Георгий Павлович. Он помнил сорок лет брака с женщиной, которая в текущем городе умерла ребёнком. На столе стояли её чашка и очки. В шкафу висели платья. В телефоне сохранялись голосовые сообщения, записанные голосом восьмилетней девочки и словами семидесятилетней жены.

— Вы хотите оставить меня без неё второй раз, — сказал он.

— Мы не можем оставить или вернуть, — ответил Лев.

— Тогда зачем пришли?

— Чтобы записать её имя.

Георгий Павлович назвал имя. Потом привычки. Как она стучала ногтем по чашке, когда сердилась. Как говорила во сне «закрой форточку», даже летом. Как однажды ушла из дома и вернулась через три часа с котом, которого боялась всю жизнь.

Лев включил диктофон.

Записывал не только слова. Оставлял паузы, кашель, шум холодильника. Память становилась рассказом, а не требованием заставить умершую девочку прожить сорок лет задним числом.

— Если район исчезнет, запись останется? — спросил Георгий Павлович.

— Не знаю.

— А вы будете помнить?

Лев посмотрел на проигрыватель с голосами Антона.

— Некоторые версии.

— Этого мало.

— Да.

Старик кивнул. Ему не требовалось утешение, которое отрицало бы предел сделанного.

На улице жители ставили столы. Кто-то вынес школьные доски, кто-то пачки бумаги, кто-то старые фотоальбомы. Люди записывали всё, что успели прожить после появления района.

Не прошлое до квартала.

Настоящее последних часов.

Женщина отметила, что в 09:12 поссорилась с соседкой из-за парковки. Врач записал двадцать три осмотра. Дети рисовали дома и подписывали соседей. Учителя составляли журналы присутствия не за учебный год, а за сегодняшний день. Повар школы перечисляла, сколько порций каши приготовила и кто отказался есть.

Некоторые считали это подготовкой к смерти. Другие — страховкой. Третьи спорили, имеет ли смысл сохранять один день, если исчезнет человек, который его прожил.

Директор школы принёс большую доску.

— Если документы исчезнут, мел останется? — спросил он.

— Не знаем, — сказал я.

— Другого ответа и не ждал.

Он начал писать имена учеников. Строки иногда менялись. Двое детей исчезли из списка и появились снова под другими фамилиями. Учителя не успевали сравнивать.

Девочка с несколькими именами стояла рядом.

— Как тебя записать? — спросил директор.

Она подумала.

— Пока оставьте пустую строку.

— Нам нужно вести учёт.

Крылова уже открыла рот, но Софья опередила её:

— Пустая строка тоже учитывается.

Директор посмотрел на Крылову.

Та достала красный маркер и обвела незаполненное место рамкой.

— Не заполнять без личного решения, — написала она сбоку.

Это было первое место в биографии района, которое не пыталось немедленно превратить отсутствие в ошибку.

Мирон наблюдал издали. Он стоял под фонарём, свет проходил сквозь его плечо и ложился на асфальт. На браслете оставалось девять часов.

— Вы даёте им прошлое? — спросил он, когда я подошёл.

— Нет. Настоящее.

— Этого недостаточно для устойчивости.

— Для существования, возможно, недостаточно. Для того, чтобы потеря не стала нулём, достаточно.

— Вы готовы оплакивать людей, но не готовы дать им жизнь.

— Мы готовы искать способ, который не крадёт её у других.

— Пока вы ищете, они исчезнут.

— Да.

Мирон посмотрел на столы, записи, детские рисунки.

— Вы называете отказ от действия честностью, когда цена действия слишком велика.

— Иногда. А вы называете срочность согласием, потому что без срока вам пришлось бы услышать отказ.

Он коснулся доски с пустой строкой. Палец впервые оставил след в меловой пыли.

— У нерождённых нет терпения, потому что ожидание не имеет часов.

— Научитесь.

— Легко говорить тому, у кого уже было детство.

— Моё детство переписывали несколько раз.

— Но что-то осталось.

Я вспомнил голос отца, которого не мог вернуть даже идеальный мир. В первой жизни он погибал. В другой оставался и становился чужим. В третьей я сам отказывался от встречи, боясь, что память снова использует его как дверь.

— Не всё.

Мирон посмотрел на жителей, записывающих один день.

— Мы считали вас закрытыми, — сказал он. — Будто настоящий мир охраняет право существовать только для себя.

— Иногда так и есть.

— А сейчас?

— Сейчас мы учимся различать дверь и стену.

Ближе к полуночи Анна вернулась в школьный коридор. Девочка с несколькими именами сидела на полу и рисовала мелом дверь. За дверью был синий кит.

— Почему кит? — спросила Анна.

— Он большой и помещается в рисунке.

— Хорошая причина.

— У тебя тоже был такой?

Анна села рядом. Не спросила, откуда девочка знает.

— У одной девочки, которую я помню.

— Она родилась?

— В одной версии.

— А в этой?

— Нет.

Девочка продолжила рисовать плавник.

— Ты хочешь, чтобы она пришла вместо меня?

Анна долго смотрела на пустую строку вместо имени.

— Нет.

— Потому что я уже здесь?

— Не только. Если бы тебя не было, я всё равно не имела бы права назначить её на свободное место.

— Тогда почему грустишь?

— Потому что отсутствие права не отменяет любви.

Девочка подумала.

— Мирон говорит, вы храните нас в сожалениях.

— Иногда. Это плохое место для жизни.

— А хорошее?

— Не знаю.

— Ты тоже так говоришь.

— Сегодня это самое честное слово в городе.

Девочка нарисовала рядом вторую дверь. За ней оставила белое пространство.

— Эта для меня.

— Куда ведёт?

— Я потом решу.

Анна достала из кармана старый рисунок синего кита. Бумага была сложена много раз, края истёрлись. Она положила его рядом, но не отдала.

Два кита отличались. У одного было детское лицо, у другого — закрытый глаз. Никакая Память не могла убедительно назвать их одним существом.

— Можно я тебя запишу? — спросила Анна.

— Без имени.

— Что записать?

Девочка подумала и сказала:

— Сегодня я не была той, кого вы потеряли.

Анна записала фразу на обороте своего рисунка.

— А ты? — спросила девочка. — Кем была сегодня?

Анна посмотрела в конец коридора, где я разговаривал с жителями.

— Человеком, который не заменил одну любовь другой.

— Это трудно?

— Да.

— Тогда тоже запиши.

Анна записала.

В этот момент свет в коридоре мигнул. Девочка стала старше — на секунду перед Анной сидела молодая женщина. На её руках были следы краски, на шее — тонкий шрам. Потом лицо снова стало детским.

— Ты видела? — спросила девочка.

— Да.

— Это я?

— Одна возможность.

— Она хорошая?

— Не знаю.

— Ты могла спросить, счастлива ли она.

— Могла. Но тогда твоя взрослая версия стала бы ответом, которому ты должна соответствовать.

Девочка сердито стёрла часть рисунка.

— Взрослые всё усложняют.

— Да.

— Мирон говорит, вы боитесь первого.

— Мы боимся того, кто назовёт себя первым и решит, что остальные появились после него.

— А если первый никем не командует?

— Тогда, возможно, он просто тот, кого увидели раньше.

— Как меня?

— Возможно.

— Но ты не дала мне имя.

— Увидеть — не значит назвать.

Девочка посмотрела на неё внимательно.

— Тогда ты учишься.

Анна улыбнулась.

— Медленно.

— У вас есть время.

— Сегодня не очень много.

— У вас всё равно больше, чем у нас.

Фраза прозвучала без упрёка. От этого стала тяжелее.

Девочка поднялась и пошла к спортзалу. На полу остались две двери и два кита. Один рисунок принадлежал отвергнутой жизни, другой — человеку, который ещё не решил, хочет ли появиться полностью.

Анна не пыталась определить, какой важнее.

Когда она вернулась к нам, рисунок синего кита больше не показывал дочь. Только копию образа, который когда-то принадлежал ребёнку. Потеря не стала меньше. Но перестала требовать тела, чтобы доказать своё существование.

Позже мы сидели на ступенях школы. Из спортзала доносились голоса людей, записывающих день.

— Ты думаешь о ней? — спросил я.

— О какой?

Я понял вопрос.

— О обеих.

— Да.

— И что чувствуешь?

— Что любовь тоже умеет занимать место. Иногда я считала её оправданием, чтобы открыть дверь. Иногда запретом открывать другую. Сейчас пытаюсь оставить ей форму, которая не требует решения.

— Получается?

— Нет.

Она положила голову мне на плечо.

— Но сегодня я не сделала из ребёнка ответ. Для одного дня достаточно.

Мы сидели, пока директор школы писал имена. В обычном мире это выглядело бы ничтожной паузой между делами. Здесь пауза стала единственным доказательством, что настоящее не обязано сразу превращаться в причину.

В 22:40 район впервые не попытался создать новое прошлое.

Фотографии перестали добавляться. Даты в документах больше не уходили вперёд. Нити под фундаментами ослабли. В домах прекратили меняться этажи. Лифты начали останавливаться на тех кнопках, которые нажимали люди.

Этого хватило, чтобы настоящее удержалось.

Но не хватило, чтобы пережить полночь.
В 22:41 на всех досках появилась новая строка:
ДО РОЖДЕНИЯ ПЕРВОГО — 08:19:00.
Секунды пошли назад.

Глава 5. Заседание о завтрашнем дне

Город попытался решить судьбу района через суд.

Это было неизбежно. Когда метафизика входит в коммунальные сети, первым появляется не пророк, а исковое заявление.

Заседание провели ночью в актовом зале администрации. Обычный зал суда не вмещал жителей, свидетелей, журналистов и людей, утверждавших, что квартал лишил их будущего. На сцене поставили стол для судьи. За спиной висел герб, у которого каждую минуту менялось количество голов.

Судья начала с вопроса, который никто не смог сформулировать в процессуальных терминах:

— Кто является ответчиком?

Крылова указала на Мирона.

— Он представляет нерождённые возможности.

— Не представляет, — возразила Анна. — Он сам это признал.

— Он выступает от их имени.

— Иногда. Это не одно и то же.

Мельников указал на город.

— Ответчик — система, отказывающая людям в праве существовать.

Судья сняла очки.

— Система не является юридическим лицом.

Тимур поднял руку.

— Это многое объясняет в истории человечества.

Его попросили молчать.

Представитель администрации предложил считать ответчиком район как вновь возникшее муниципальное образование. Жители возмутились: они не просили отдельного статуса и хотели оставаться частью города. Юрист движения Мельникова потребовал признать каждого жителя третьим лицом с самостоятельными требованиями. Секретарь подсчитал, что в таком случае заседание не закончится до исчезновения квартала.

— Возможно, срок и есть способ давления на суд, — сказала Крылова.

— Возможно, суд и есть способ давления на тех, у кого нет срока, — ответил Мирон.

Истцом выступил мужчина из старой части города. Его звали Алексей. После появления квартала он потерял способность представить дочь, которую собирался завести через несколько лет. Беременность не наступила. Женщина, с которой он жил, ещё не была уверена, что хочет детей. Но Алексей помнил будущую девочку так же ясно, как жители нового района помнили собственное детство.

Он принёс рисунок: дом, три человека, жёлтое солнце. Рисунок был сделан детской рукой, но бумагу купили утром.

— Они говорят, что их нельзя лишить жизни, — сказал Алексей. — А мою дочь можно, потому что она ещё не родилась?

— Как её зовут? — спросила судья.

Он заплакал.

— Не помню. Вчера помнил.

Мирон слушал внимательно.

— Она одна из нас, — сказал он.

Алексей повернулся к нему.

— Тогда верните.

— Если дадим ей прошлое, место потребуется у другой возможности.

— Значит, ваша справедливость ничем не лучше нашей.

— Да.

В зале стало тише.

Мы ожидали от посланника нерождённых идеологии. Он отвечал признанием проблемы, и это злило сильнее. Против уверенности можно спорить. С человеком, который признаёт цену и всё равно продолжает требовать место, приходится обсуждать собственное право на отказ.

— Если вы знаете, что решить справедливо невозможно, почему пришли? — спросила судья.

— Потому что невозможность справедливого распределения не отменяет тех, кого распределяют как ноль.

— Вы считаете жителей района людьми?

— Сейчас — да.

— А до появления?

Мирон посмотрел на пустые места в первом ряду.

— Возможностями, научившимися помнить желание стать людьми.

— Желание достаточное основание?

— Для рождения — обычно да.

— Новорождённый не формулирует желание.

— Его формулируют другие.

— Тогда кто сформулировал ваше?

Мирон не ответил.

На браслете мигнуло: 07:54:12.

Судья вызвала директора школы. Он подтвердил, что восемьсот сорок два ученика провели день в здании, ели, спорили, писали контрольные. Система видеонаблюдения не показывала их до 05:43, но журналы успеваемости содержали годы записей.

— Что вы просите у суда? — спросила она.

— Не называть детей ошибкой до того, как взрослые разберутся со своими теориями.

— Конкретное требование?

— Открыть дороги. Разморозить счета. Разрешить врачам лечить людей без проверки, существуют ли они достаточно давно.

— А документы о прошлом?

Директор замолчал.

— Оставить до проверки.

— Даже если они отняли чужое будущее?

— Я не знаю, как документ может отнять будущее.

— Сегодня мы все учимся новым формулировкам, — сказала судья.

Следующей выступила женщина, потерявшая возможность примириться с сестрой. Она не помнила самого будущего разговора, только ощущение, что однажды могла набрать номер. На экране телефона контакт оставался, но палец каждый раз проходил мимо кнопки вызова.

— Жители района мне ничего не сделали, — сказала она. — Я не хочу, чтобы их выселяли. Но не соглашалась отдавать это.

— Вы бы отдали добровольно? — спросил адвокат Мельникова.

— Теперь не знаю. Раньше могла бы решить. Сейчас вы спрашиваете после списания.

Валерия смотрела на женщину и держала коробку с монетой обеими руками.

Мельников вызвал мать исцелённого мальчика. Она рассказала, как сын впервые за годы заснул без кислородной маски. Судья спросила, знает ли она о девочке, чья терапия исчезла.

— Знаю, — ответила мать. — И ненавижу вас за то, что теперь должна смотреть на сына и помнить чужой гроб.

— Вы считаете лечение неправильным?

— Нет.

— Правильным?

— Тоже нет. Оно случилось. Почему вам обязательно нужно слово, которое избавит кого-то от вины?

Крылова записала эту фразу.

Когда её вызвали как эксперта, она начала с медицинских и архивных данных. Потом судья спросила:

— Вы можете предложить способ стабилизировать район без изъятия будущих возможностей?

— Нет.

— Тогда вы предлагаете допустить исчезновение людей?

— Я предлагаю не скрывать, что выбор между их исчезновением и принудительным изменением других жизней не становится законным только из-за срочности.

— Суд должен принять решение.

— Суд может ограничить действия. Он не обязан объявлять одну версию мира истинной.

— А если без этого люди исчезнут?

Крылова посмотрела на жителей.

— Тогда решение всё равно будет нашим действием, а не открытой истиной. Это важно зафиксировать.

Мельников выступил после неё.

— Пока мы фиксируем, дети теряют имена, — сказал он. — Любая жизнь занимает место. Мы не проводим суд над каждым новорождённым, чтобы выяснить, какой учёный не родится из-за него или какой поезд изменит расписание. Район лишь сделал цену видимой. Если видимость цены становится основанием запретить жизнь, мы превратим знание в оружие против слабых.

— А если невидимость была оружием против тех, у кого забрали? — спросила Анна.

— Тогда дайте им голос, но не требуйте распустить уже живых.

— Никто не требует.

— Ваш отказ закрепить прошлое делает это руками причинности.

— А ваше согласие закрепить — руками людей, которые не соглашались.

— Значит, вы предпочитаете бездействие.

— Нет. Мы предпочитаем не называть его отсутствием решения.

Судья постучала ручкой по столу. На третьем ударе звук пришёл из стены, хотя она ударила только дважды.

— Хватит, — сказала она. — Суд не установит происхождение реальности за одно ночное заседание.

— До утра у нас нет, — напомнил Мирон.

— У суда тоже есть сроки. Обычно они просто медленнее убивают.

Она объявила перерыв.

В коридоре администрация превратилась в лагерь. Люди спали на стульях, заряжали телефоны, спорили возле автоматов с водой. Жители района старались держаться вместе. Если один отходил слишком далеко, лицо начинало меняться. Волонтёры прикрепляли им карточки с именами, выбранными на текущий момент.

Софья заметила мальчика, который сидел один у окна.

— Где родители?

— В зале.

— Как тебя зовут?

— Сегодня Павел.

— А вчера?

— Вчера не было.

Он сказал это без трагедии. Для ребёнка день появления не был метафизикой, только самым ранним воспоминанием.

— Боишься исчезнуть? — спросила Софья.

— Я уже исчезал, пока мама отвечала судье. Потом вернулся в другую куртку.

— Что помогло?

— Она назвала, что я не люблю варёный лук.

Софья записала на карточке:

ПАВЕЛ. НЕ ЛЮБИТ ВАРЁНЫЙ ЛУК. СЕГОДНЯ БЫЛ.

Мальчик прочитал и успокоился.

Лев тем временем прослушивал кассеты. Голос Антона повторял одну фразу с разными интонациями:

— Не выбирайте прошлое большинством.

На одной записи он смеялся после слов. На другой задыхался. На третьей добавлял:

— Но и не делайте мою осторожность причиной их смерти.

— Он не мог знать про район, — сказал Лев.

— Возможно, не знал, — ответила Анна. — Фраза нашла событие позже.

— Или событие использует его голос, потому что я доверяю.

— Поэтому не верьте ему полностью.

Лев выключил проигрыватель.

— И себе тоже?

— Особенно себе, когда слышишь брата.

Суд выслушал и носителей Даров.

Денис говорил первым. На стол перед ним положили фрагмент крепления из нового дома и кусок рельса со старого грузового двора.

— В креплении нет слабости, — сказал он. — Это опаснее, чем кажется. Любая конструкция живёт за счёт распределённых несовершенств. Материал без дефектов не умеет отдавать нагрузку постепенно. Если район закрепят как идеальную историю, первая настоящая ошибка может разрушить всё сразу.

— Вы предлагаете внести дефекты намеренно? — спросила судья.

— Я предлагаю не считать отсутствие видимой слабости безопасностью.

— Это техническое заключение или философское?

— После станции разница стала дорогой роскошью.

Адвокат жителей спросил, может ли Денис указать конкретный риск.

— Нет. Риск в том, что конструкция не показывает путь разрушения. Я не могу предупредить до события.

— Значит, доказанного риска нет.

— Есть невозможность доказать безопасность привычным способом.

— Суд не может основывать решение на вашем ощущении.

— Тогда не называйте идеальность доказательством устойчивости.

Судья внесла это как ограничение экспертного вывода. Денис не спорил. Его сила никогда не давала готового решения, только место, где уверенность должна была остановиться.

Софья рассказала о девочке без имени. Представитель администрации потребовал идентифицировать ребёнка.

— Она отказалась выбрать сейчас, — сказала Софья.

— Для процессуального участия нужны данные.

— Тогда закон признаёт только тех, кто уже совпал с формой анкеты?

— Закон должен понимать, к кому относится решение.

— Она тоже хочет понять.

Судья распорядилась зарегистрировать участника под временным обозначением «ребёнок, оставивший строку пустой», без присвоения имени. Секретарь возразила, что программа не принимает пустое поле.

Тимур подошёл к компьютеру и положил ладонь рядом с клавиатурой. На экране появилась тонкая дверная ручка. Он повернул её. В форме открылось новое поле:

РЕШЕНИЕ ОТЛОЖЕНО.

— Это вмешательство в информационную систему, — сказал представитель администрации.

— Нет, — ответил Тимур. — Система просто впервые увидела выход, которого разработчики не предусмотрели.

— Вы взломали её.

— Иногда закрытая форма называет взломом право не отвечать.

Судья посмотрела на появившееся поле.

— Оно сохранится после заседания?

— Не знаю.

— Можете гарантировать?

— Нет.

— Тогда секретарь продублирует запись на бумаге.

Крылова едва заметно улыбнулась. После всех станций, Даров и переписанных реальностей человечество снова спасалось копией документа в папке.

Тимура спросили, может ли он открыть путь, по которому жители уйдут в безопасное место до стабилизации.

— Могу открыть дверь, — сказал он. — Не могу гарантировать, что человек останется тем же по другую сторону. Район связан не с территорией, а с причинами. Переселение перенесёт проблему вместе с ними или оставит здесь часть биографии.

— То есть эвакуация невозможна?

— Возможна. Безопасность неизвестна.

— Вы все отвечаете «не знаем».

— Потому что раньше наши уверенные ответы строили кресла.

Адвокат Мельникова попросил пояснить метафору.

— Кресло — это место, из которого один человек считает своё понимание достаточным для остальных.

— Судья сидит выше участников процесса. Это кресло?

В зале стало тихо.

Тимур посмотрел на судью.

— Может стать. Поэтому решение должно помнить возражения, а не только итог.

Судья кивнула секретарю.

— Запишите дословно.

Валерия отказалась демонстрировать монету как доказательство.

— Почему? — спросил адвокат жителей.

— Потому что она показывает возможности, а суд быстро превратит их в обещания.

— Вы можете увидеть исход, где район остаётся?

— Да.

По залу прошёл шёпот.

— И где исчезает?

— Да.

— Какой вероятнее?

— Вопрос уже склоняет монету. Я не буду выбирать словами до того, как люди поймут цену.

— От вашего молчания могут погибнуть дети.

— От моего ответа могут не родиться другие. Я не позволю использовать число перед глазами как доказательство, что невидимые ничего не значат.

— Но жители перед нами имеют имена и тела.

— Поэтому суд обязан защищать их сейчас. Не поэтому он имеет право украсть решение у тех, кого здесь нет.

Мельников покачал головой, но не перебил.

Лев включил запись Антона. Судья разрешила воспроизвести её только после того, как Лев пояснил: голос умершего не является экспертизой и может быть создан самим событием.

— Тогда зачем слушать? — спросила она.

— Потому что сомнительный голос тоже повлиял на наши решения. Скрыть его — значит солгать о причине.

На записи Антон сказал:

— Не выбирайте прошлое большинством.

Потом пауза.

— Но не делайте мою осторожность причиной их смерти.

Судья попросила повторить вторую фразу. На повторе её не было. Вместо неё прозвучало:

— Запомните, что я не знал ответа.

Лев внёс обе версии в протокол.

Затем судья обратилась к Анне.

— В материалах вас называют носителем Памяти.

— Бывшим проводником. Сейчас Память не принадлежит мне и никогда не принадлежала.

— Можете ли вы дать жителям прошлое?

— Могу помочь им удерживать воспоминания. Но если превращу их в единую биографию, это будет та же власть, против которой мы боролись.

— Что вы предлагаете?

— Записывать настоящий день, сохранять противоречия, не требовать от людей немедленно выбрать одну историю.

— Мирон считает, этого мало.

— Возможно.

— Значит, ваш способ может привести к исчезновению района.

— Да.

— Почему суд должен принять его?

— Не должен. Но если выберет другой, пусть не называет его спасением без остатка. Назовите, чьи будущие решения будут использованы. Оставьте им право возражать позже, даже если изменение уже нельзя отменить.

— Право возражать после необратимого действия?

— Это мало. Но отсутствие полного исправления не делает память бесполезной.

Судья посмотрела на пустой герб за спиной. Одна из голов исчезла, оставив белое место.

— Получается, любой вариант недостаточен.

— Да.

— Судебная система не любит такие ответы.

— Реальность тоже. Поэтому и строит кресла.

Последним выступил Мирон. Он отказался присягать говорить правду, потому что не имел прошлого, которое закон мог бы использовать как основание ответственности.

— Тогда предупреждаю об ответственности за ложные показания в настоящем, — сказала судья.

— Это подходит.

— Вы хотите, чтобы суд признал право нерождённых входить в мир?

— Нет.

— Что тогда?

— Признал, что отсутствие ещё не является отказом.

— Практическое последствие?

— Нельзя считать любую незанятую возможность собственностью живых.

— Но и собственностью нерождённых?

— Нет.

— Значит, ничьей?

— Не всё, что никому не принадлежит, разрешено брать.

— Кто определяет границу?

Мирон посмотрел на участников.

— Тот, кого касается изменение.

— В вашем случае это миллионы людей, часть из которых не существует.

— Поэтому единого решения быть не может.

— Но вы требуете стабилизировать район до утра.

— Да.

— Вы противоречите себе.

— Я существую из противоречия между правом быть и невозможностью взять место без цены.

Судья сняла очки.

— Наконец понятное показание.

После перерыва судья огласила промежуточное определение.

Первое: признать каждого находящегося в районе человеком, обладающим правами в настоящем моменте, независимо от устойчивости прошлого.

Второе: запретить уничтожение зданий, принудительное выселение и любые действия, направленные на «возврат территории к исходной версии».

Третье: запретить использование будущих решений конкретных людей без их выраженного согласия для стабилизации биографий района.

Четвёртое: временно считать документы жителей свидетельствами заявленных биографий, а не доказательствами единственной истории.

Пятое: создать реестр расхождений, в котором ни одна версия не получает статуса основной без отдельного решения человека, которого касается запись.

— Это не даст им прошлое, — сказал Мирон.

— Суд не выдаёт прошлое, — ответила судья. — Максимум справки о том, что кто-то его заявил.

— Район исчезнет.

— Возможно.

— Тогда ваше решение — отказ.

— Нет. Наше решение — не разрешать вам брать чужое будущее. Исчезновение будет последствием, которое мы обязаны записать, а не волей, которую я прячу за формулировкой.

Мирон смотрел на неё долго.

— Вы оставили настоящее без гарантии продолжения.

— Это обычное состояние права. Просто сегодня оно стало видно.

В зале никто не аплодировал.

Жители получили защиту на несколько часов и не получили обещания утра. Люди из старого города сохранили право на ещё не сделанные выборы и не вернули то, что уже ушло в

фундамент. Мельников назвал решение трусливым. Крылова — недостаточным. Анна сказала, что оба определения можно приложить почти к любому человеческому закону.

Секретарь поставила печать.

В момент удара штемпеля дома в районе перестали дрожать.

Не стабилизировались полностью. Но судебный протокол стал настоящим событием, которое не пришло из будущего. У жителей появился один общий факт: ночью город признал, что они были здесь.

На серой книге в архиве появилась новая строка:

НАСТОЯЩЕЕ ПРИЗНАНО. ПРИЧИНА НЕ НАЙДЕНА.

Ниже шёл отсчёт.

До причинного рождения Мирона оставалось восемь часов.

Глава 6. До первой

После суда мы вернулись в архив.

Район не исчез, но начал экономить на собственной реальности.

Сначала погасли фонари на улицах, которых город не успел включить в электросети. Потом исчезли номера квартир. Жители продолжали знать, где живут, однако почтальон не мог объяснить маршрут. В поликлинике препараты теряли названия, сохраняя действие. В школе дети писали на доске ответы к задачам, условия которых появятся через три года.

Каждая новая минута требовала меньше прошлого и больше внимания.

В архиве внимание хотя бы имело полки.

До общего сбора я спустился в сектор старых дел.

На одной полке лежали материалы первого года: падение Ильи Кравцова, проект «Оракул», фотографии мира, который я пытался исправить Дарами. На другой — дела Станции-6, два утра, смерть Антона и протокол, где его решение не называли ни аварией, ни спасением.

Новое дело пришлось поставить между ними.

Не после. Между.

Мирон не продолжал историю Ильи Кравцова и не повторял его роль. Один человек падал с крыши в уже существующий мир и выжил вопреки вероятности. Другой появился до собственной причины и требовал, чтобы вероятность научилась считать его человеком. Память любила связывать похожие события, превращать различие в возвращение и заранее назначать человеку чужое место. Поэтому я завёл для Мирона отдельное дело.

Я подписал новую коробку:

МИРОН. ПОЯВЛЕНИЕ ДО РОЖДЕНИЯ. СТАТУС НЕ ОПРЕДЕЛЁН.

Рука остановилась над датой.

Двадцать второго июля две тысячи двадцать восьмого года Мирон появился. Двадцать третьего июля две тысячи тридцать первого должен был родиться биологически. Но браслет одновременно отсчитывал часы до другого события — момента, когда причинность признает его существование. Любая выбранная дата уже была бы версией причины.

Я оставил поле пустым.

Серая книга на верхней полке раскрылась. На странице возникло:

ПУСТОЕ ПОЛЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОТКАЗОМ.

— Я понял, — сказал я.

Ниже появилась вторая строка:

НЕТ. ВЫ ТОЛЬКО НАЧАЛИ РАЗЛИЧАТЬ.

Анна стояла в дверях.

— Книга опять спорит?

— Или я спорю с собой её почерком.

Она посмотрела на коробки.

— Ты боишься повторения?

— Да. Сначала человек появляется как невозможное исключение. Потом мы ищем источник. Потом кто-то предлагает центр, который всё объяснит.

— Мирон уже предупредил про кресло.

— Предупреждение тоже может быть способом занять его. Тот, кто первым говорит «не доверяйте власти», быстро становится властью над недоверием.

Анна провела пальцем по корешку дела Антона.

— Поэтому мы не должны доверять Мирону полностью.

— И не должны использовать сомнение как разрешение не слышать.

— Шестая грань.

— Скорее привычка, которую она оставила.

Анна взяла пустую карточку и написала:

«Мирон. Связь с делом Ильи Кравцова не установлена. Явления различны по происхождению и функции».

— Бюрократично, — сказал я.

— Значит, переживёт философию.

Она вложила карточку в коробку.

В коридоре трижды хлопнула дверь. На этот раз каждый хлопок пришёл из своего времени: первый мы услышали сразу, второй помнили со вчерашнего дня, третий ещё только должен был прозвучать.

Мы поднялись в читальный зал.

Крылова собрала всех в большом читальном зале. Денис приехал прямо с аварийного объекта, в рабочей куртке и пыли. Софья привезла рисунок девочки с тремя именами. Тимур появился через дверь кладовой, хотя официальный вход находился этажом ниже. Мельников пришёл без сторонников и камер. Валерия держала коробку с монетой. Лев поставил на стол проигрыватель и шесть кассет с одинаковой новой дорожкой.

Анна принесла серую книгу.

Мы не приглашали Матвея.

Он всё равно приехал.

Его мать позвонила Крыловой после того, как красный пластмассовый самолёт исчез с полки, вернулся через минуту и оставил на ковре следы незнакомой земли. Через час это повторилось. На третий раз самолёт принёс маленькое белое перо и фотографию Матвея в возрасте, которого он ещё не достиг.

На снимке он стоял в новом районе перед школой. За спиной не было людей, только пустые строки, выстроенные как окна.

Матвей вошёл в зал, прижимая самолёт к груди. Он давно перестал быть маленьким ребёнком. Плечи стали шире, голос ломался, на лице появлялась подростковая резкость. Но взрослые по-прежнему понижали голос рядом с ним, будто возраст мог защитить от смысла.

— Я не спал, — сказал он.

— Тебя никто не обвиняет, — ответила Софья.

— Вы всегда так говорите перед тем, как попросить помочь.

Крылова пододвинула ему стул.

— Сегодня можешь не помогать.

Матвей посмотрел на стул.

— А если он уже помогал в другой версии?

Тимур убрал его к стене.

— Тогда постоим.

Серая книга раскрылась сама.

На странице появились шесть строк:

УДАЧА.

НЕУДАЧА.

ТЬМА.

СВОБОДА.

ПАМЯТЬ.

ШЕСТАЯ ГРАНЬ.

Под ними оставалось пустое место.

Не седьмая строка.

До первой.

Буквы висели выше края страницы, будто список начинался там, где бумага ещё не была создана.

Денис наклонился.

— Здесь не хватает не элемента. Основания.

— Объясни, — попросила Крылова.

Он провёл пальцем по воздуху над листом.

— Все линии начинаются выше края. Как трещины в стене, которые пришли из фундамента другого здания. Мы видим продолжение, но не место первого напряжения.

Тимур поставил ладонь на обложку.

— То есть у двери нет стены?

— Или стена появилась после двери, — ответил Денис.

— Ненавижу такие двери.

— Ты их открываешь.

— Поэтому и ненавижу профессионально.

Софья прочитала фразу, проступившую вниз:

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРИНЯТО.

— Кем? — спросила она.

Никто не ответил.

Лев включил первую кассету. Сначала шёл обычный шум архива: вентиляция, шаги, далёкий звонок. Потом послышался голос, не принадлежавший Антону.

— Свидетельство принято.

Фраза звучала без пола и возраста. Не механически — просто до человека, как будто слова уже существовали, а голос был поздним переводом.

Крылова остановила запись.

— Возможные источники. Первое: Память использует знакомую формулу. Второе: книга создаёт аудиальный ответ. Третье: запись пришла из будущего. Четвёртое...

— Кто-то услышал нас раньше, чем мы заговорили, — сказал Матвей.

Все повернулись к нему.

Он сидел у окна и рисовал два круга. В одном поставил точку. В другом — глаз.

— Вы неправильно спрашиваете, — продолжил он.

— А как правильно? — спросила Крылова.

— Не кем принято. Что стало другим после того, как приняли.

Он показал рисунок.

— Где ты это видел? — спросила Софья.

— Во сне до того, как уснул.

Анна села рядом.

— Это как?

— Сначала помнишь сон. Потом ложишься и смотришь его.

— И что было дальше?

— Не знаю. Я ещё не лёг.

Красный самолёт в его руках дрогнул. На крыле появилась пыль, похожая на мел из школы нового района.

Крылова взяла пробу. Денис посмотрел на крупинки.

— У них нет дефектов.

— У пыли? — спросил Лев.

— У кристаллов. Они выглядят так, будто никогда не ломались от большего камня.

— Пыль без разрушения, — сказала Анна.

— Материал, который получил состояние, но не причину, — уточнила Крылова.

Мельников прислонился к шкафу.

— Или ещё одно доказательство, что ваша привычка искать ущерб не объясняет всё.
Крылова положила пробирку на стол.

— Я не ищу ущерб. Я ищу границу воздействия.

— Для вас граница всегда важнее того, кто за ней умирает.

— А для вас живой перед глазами всегда важнее того, кто исчез за спиной.

— Поэтому мы работаем вместе.

— Нет. Поэтому нас пока не удаётся заменить одним креслом.

Мирон стоял в дверях.

Никто не слышал, как он вошёл. Раньше каждая попытка покинуть платформу возвращала его к скамье. Теперь судебное признание настоящего, видимо, создало маршрут: человек, признанный существующим сейчас, получил право перейти из одного помещения в другое.

Он отбрасывал тень.

Тень падала в сторону лампы.

— У вас осталось восемь часов, — сказал он.

Крылова закрыла книгу.

— Сначала ответишь на вопросы.

— Я отвечаю с момента появления.

— Нет. Ты выбираешь формулировки, которые заставляют нас строить недостающий смысл самим.

— Так работает любая речь.

— Не у людей, которые просят переписать прошлое города.

— Особенно у них.

Крылова указала на свободное место у стола.

— Сядь.

Мирон посмотрел на стул.

— Не хочу становиться центром.

— Стол прямоугольный. Центра у него нет.

— Люди всегда находят его по тому, на кого смотрят.

Он остался стоять рядом с Матвеем.

— Вы знали о фразе «Свидетельство принято»? — спросил Лев.

— Да.

— Откуда?

— Мы нашли этот голос раньше вас.

— Кто говорит?

Мирон посмотрел на кассету.

— То, что было до возможности.

Анна медленно встала.

— До возможности ничего не могло быть.

— Это ваше определение «ничего».

— А твоё?

— Место, которое не заняли.

— Место уже является возможностью занять.

— Для того, кто пришёл после места.

— Ты играешь порядком слов.

— Ваш мир играет порядком причин.

Книга раскрылась снова. Пустая строка под перечнем пяти сил и шестой грани заполнилась:

СВИДЕТЕЛЬ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ДАРОМ.

Лев прочитал вслух.

— Что это значит?

— Дар меняет то, что есть, — сказал Мирон. — Удача склоняет вероятность. Неудача открывает слабость. Тьма даёт отсутствию внутреннее пространство. Свобода разрывает продолжение причины. Память сохраняет различие. Шестая грань не позволяет одному переживанию стать обязательным для другого.

— А свидетельство? — спросил я.

— Не меняет.

— Мы меняли мир свидетельством.

— Вы меняли действия людей, которые знали, что их увидят. Меняли документы. Решения. Иногда Память. Но само свидетельство делает только одно: после него различие нельзя честно назвать несуществовавшим.

Крылова постучала карандашом по книге.

— Это человеческая процедура.

— Вы знаете человеческую форму. Первый свидетель не был человеком.

Я вспомнил последний Великий Сброс, во время которого моё сознание продолжило смотреть. Сходство было только словесным. Я оставался человеком внутри уже существовавшего мира и стал свидетелем конкретного Сброса, сохранив память там, где её стирали. «Первым» Мирон называл не меня и не прежнего носителя Даров, а неизвестное условие — или присутствие, — предшествовавшее самой возможности различать.

Мельников усмехнулся.

— Вот и создатель.

— Нет, — ответил Мирон. — Создатель выбирает, что появится. Первый свидетель ничего не выбирал.

— Тогда что он делал?

— Ждал.

— Чего?

— Чтобы различие ответило само.

Матвей поднял рисунок.

— Точка и глаз?

— Возможно.

— Ты не знаешь?

— Нерождённые помнят не меньше вашего. Но память без прошлого тоже умеет ошибаться.

Это признание изменило разговор. До сих пор Мирон говорил как человек, несущий коллективное знание миллионов возможностей. Теперь в его голосе впервые появилось личное незнание.

— Почему ты назвался Мироном? — спросила Валерия.

Он посмотрел на браслет.

— Имя было там.

— Кто напечатал?

— В одной будущей памяти — медсестра. В другой — моя мать. В третьей я выбрал сам, когда мне исполнилось тридцать пять.

— Какая настоящая?

— Ни одна не получила прошлое.

— Тогда ты мог взять другое имя.

— Мог.

— Почему не взял?

Мирон коснулся букв на браслете.

— Потому что, когда я увидел его, впервые почувствовал, что ответ относится ко мне одному.

Валерия кивнула. Она понимала цену слова, которое нельзя заставить произнести даже любимого человека.

Крылова открыла новую страницу протокола.

— Фиксируем: Мирон использует имя как личный выбор, а не мандат нерождённых.

— Я этого не говорил.

— Возражение?

Он подумал.

— Нет. Просто впервые услышал именно так.

Перед продолжением записи Крылова предложила зафиксировать границы каждого участника. После Станции-6 это стало обязательным не по закону, а по памяти. Любой опыт, в котором люди начинали говорить «мы», должен был сначала сохранить отдельные «нет».

Она поставила перед каждым чистую карточку.

— Не план действий, — сказала Крылова. — Только то, что нельзя использовать как ваше молчаливое согласие.

Валерия написала первой:

«Не использовать Ирину и возможность нашей общей жизни как цену без согласия обеих».

Лев долго держал ручку.

«Не считать голос Антона приказом только потому, что он мёртв».

Софья:

«Не превращать способность скрывать в обязанность исчезнуть самой».

Тимур отказался писать имя человека, которому доверял бы закрыть за ним дверь.

«Не требовать объяснения моего отказа».

Денис написал:

«Не использовать Милу как причину, по которой я обязан видеть каждую трещину».

Матвей посмотрел на взрослых.

— Мне тоже?

— Только если хочешь, — сказала Крылова.

Он нарисовал красный самолёт и подписал:

«Не делать меня первым только потому, что я увидел раньше».

Мельников не взял карточку.

— Моя граница очевидна. Не запрещать помогать человеку передо мной из-за неизвестной цены.

— Запиши, — сказала Крылова.

— Ты и так запомнила.

— Свидетель не должен быть единственным местом твоей границы.

Он всё же написал. Потом добавил вторую строку:

«Не называть любое моё действие спасением без слов пациента».

Крылова прочитала и ничего не сказала.

Анна написала:

«Не использовать память о моей дочери как доказательство, что я обязана открыть место конкретному ребёнку».

Я смотрел на пустую карточку дольше остальных. Мирон ждал. Его собственная граница пока зависела от того, признаём ли мы его человеком, способным отказаться.

Я написал:

«Не назначать меня главным свидетелем только потому, что книга назвала Виктора».

Крылова взяла карточки и положила вокруг серой книги. Не кругом — круг слишком быстро превращался в ритуал центра. Просто на свободных местах стола.

— Твоя очередь, — сказала она Мирону.

— У меня нет права устанавливать границу, пока моё существование оплачивается другими.

— Это снова удобная формулировка, — ответила Валерия. — Отказ от границы делает тебя доступным для решения миллионов нерождённых. Потом скажешь, что исполнял их волю.

— Что я должен написать?

— Не должен. Выбери.

Мирон посмотрел на кровь, которой ещё не было, на свои прозрачные пальцы, на детей в экранах связи.

— Я не знаю, где заканчиваюсь.

— Тогда напиши это, — сказал Матвей.

Крылова подвинула карточку. Мирон не мог удержать ручку. Анна положила ладонь поверх его руки, не направляя движение. Пластик стал плотнее между двумя пальцами.

Мирон написал медленно. Чернила появлялись с задержкой:

«Не считать моё желание существовать согласием на любой способ моего рождения».

Когда он закончил, ручка упала сквозь ладонь.

Карточка осталась.

Мельников прочитал её дважды.

— Тогда ты можешь отказаться от района.

— Могу отказаться от способа. Не могу обещать, что район переживёт отказ.

— Это и есть давление сроком.

— Да.

— Ты говоришь «да» слишком часто.

— Потому что ваше обвинение часто верно.

— И всё равно продолжаешь.

— Потому что ваше решение оставить нас возможностями тоже имеет цену, которую вы не чувствуете телом.

Денис посмотрел на карточку Мирона.

— В ней появилась слабость.

— Где? — спросила Крылова.

— Между «желанием» и «способом». Раньше он говорил так, будто они одно. Теперь конструкция может разойтись без полного разрушения.

— Это хорошо? — спросил Матвей.

— Это значит, что появилась точка, где можно остановиться.

— Или сломаться, — сказал Мирон.

— Остановка и поломка часто отличаются только тем, кто описывает после.

Крылова включила диктофон.

— Фиксируем обе версии.

На серой книге проступила тонкая рамка вокруг карточки Мирона. Не поглотила текст. Только признала, что его личное «нет» существует отдельно от просьбы нерождённых.

На несколько секунд отсчёт остановился.

Мы подумали, что граница сработала.

Потом часы пошли снова, сразу на минуту быстрее.

Мир не отменил цену. Только признал, что Мирон не обязан быть с ней одним существом.

Лев включил вторую кассету.

Чужой голос повторил:

— Свидетельство принято.

На этот раз после фразы послышался стук.

Три удара.

Первый — по корпусу проигрывателя.

Второй — из стены архива.

Третий пришёл из телефонов одновременно.

Экран связи с районом разделился на восемьсот сорок два окна.

В каждом был ребёнок.

Они находились в квартирах, школе, поликлинике, на улице. Некоторые спали. Некоторые плакали. Некоторые смотрели прямо в камеру, хотя камеры рядом не было.

Все одновременно вдохнули.

И вспомнили один и тот же день рождения.

Не собственный.

Мирона.

Воспоминания начали передаваться через связь не изображениями, а описаниями. Дети говорили одновременно, однако голоса не сливались. Лев слышал каждую версию отдельно — дар Памяти или привычка, выученная возле брата.

В одной шёл снег. В другой стояла жара. Где-то мать держала новорождённого на руках. Где-то ребёнок лежал один в комнате без окон. В одной версии отцом был мужчина, который сейчас жил в другом городе и не знал будущую мать. В другой родителей не было: Мирона выращивали в учреждении, построенном на месте архива. В третьей он появлялся взрослым на станции и всю жизнь помнил детство, случившееся позже.

Но во всех версиях в 03:17 кто-то стучал три раза с другой стороны стены.

Мирон согнулся, прижав руки к вискам.

— Остановите, — сказал Лев.

— Как? — спросила Крылова.

— Разделите каналы.

Сотрудники отключили связь. Экраны погасли, но детские голоса продолжили звучать из книг, труб отопления, пустых кружек. Район не передавал данные. Он создавал общее воспоминание.

Софья выпустила Тьму.

Не скрыла детей. Спрятала связь между их голосами, чтобы каждый снова оказался один внутри собственной версии. На несколько секунд хор распался.

Софья побледнела.

— Их слишком много. Тьма считает их одним отсутствием.

Матвей взял сестру за руку. Красный самолёт раскрылся по шву, и внутри появилась крошечная фотография Мирона-младенца. Лица женщины над ним не было.

— Не прячь их вместе, — сказал Матвей. — Прячь одинаковость.

Софья закрыла глаза.

Голоса остались. Исчезла уверенность, что они рассказывают одно событие.

Дети начали замечать различия.

— У меня снег.

— А у меня дождь.

— Моя мама плачет.

— У меня нет мамы.

— Тогда это не одна память.

Хор стал разговором.

Мирон выпрямился.

Крылова получила сообщения от штаба и побледнела.

— Район строит ему прошлое через детей.

— Не район, — сказал Мирон. — Они.

— Нерождённые?

Он кивнул.

— Им нужен первый, кто войдёт полностью. После него причинность научится принимать остальных.

— Почему дети?

— Они ближе к началу. Их прошлое ещё не успело стать единственным.

— Это не согласие, — сказала Анна.

— Они не выбирали функцию проводников.

— Нерождённые тоже не выбирали отсутствие.

— Поэтому можно использовать детей?

Мирон закрыл глаза.

— Нет.

Ответ прозвучал тихо.

Мельников шагнул к нему.

— Тогда останови.

— Если остановлю, квартал исчезнет.

— Люди?

— Вернутся в возможность.

— То есть умрут.

— Нельзя умереть, если тебе не дали прошлого.

— Скажи это матери мальчика, которого я лечил.

— Для неё он умрёт.

— Для него?

Мирон посмотрел на окна связи. Дети продолжали спорить о погоде в день его рождения.

— Я не знаю.

— Удобно.

— Нет. Невыносимо. Но незнание не становится знанием из-за вашего гнева.

Мельников схватил его за куртку.

Пальцы впервые смяли ткань.

Все замерли.

Мирон тоже посмотрел вниз. Материя признала его достаточно, чтобы сопротивляться прикосновению.

— Ты становишься настоящим, — сказал Мельников.

— Да.

— За счёт детей.

— Да.

— И всё ещё называешь это ценой, будто не выбирал?

— Я пришёл, чтобы открыть место. Я не знал, что они построят меня из чужих воспоминаний.

— Теперь знаешь.

— Да.

— Тогда откажись.

Мирон молчал.

В его молчании впервые было не коллективное ожидание, а страх отдельного человека.

Валерия подошла и ударила его.

Ладонь не прошла сквозь лицо.

Звук получился обычным. Слишком обычным для рождения человека из будущего.

Мирон пошатнулся и коснулся губы. На пальцах появилась кровь.
Красная, тёплая, настоящая.

Валерия тяжело дышала.

— До завершения отсчёта ещё семь часов, — сказала она. — Но боль уже настоящая.

Мирон смотрел на кровь так, будто не ожидал, что существование начнётся именно с этого.

— Хорошо, — сказал он.

— Что хорошего?

— Цена появилась у меня.

— Это не делает чужую цену справедливой.

— Нет.

— И не даёт тебе права продолжать.

— Нет.

— Тогда почему ты рад?

Он поднял глаза.

— Потому что теперь я могу отказаться не от идеи. От себя.

Он не улыбнулся.

И впервые мы увидели в нём не посланника миллионов возможностей, а человека, который мог не дожить до собственного вчера.

На серой книге появилась последняя строка:

ПЕРВЫЙ ПОЛУЧИЛ БОЛЬ. ПРИЧИНА ЕЩЁ НЕ ПРИНЯТА.

За окнами архивного зала новый район на секунду стал прозрачным.

В каждом доме люди продолжали записывать сегодняшний день.

Отсчёт шёл дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.